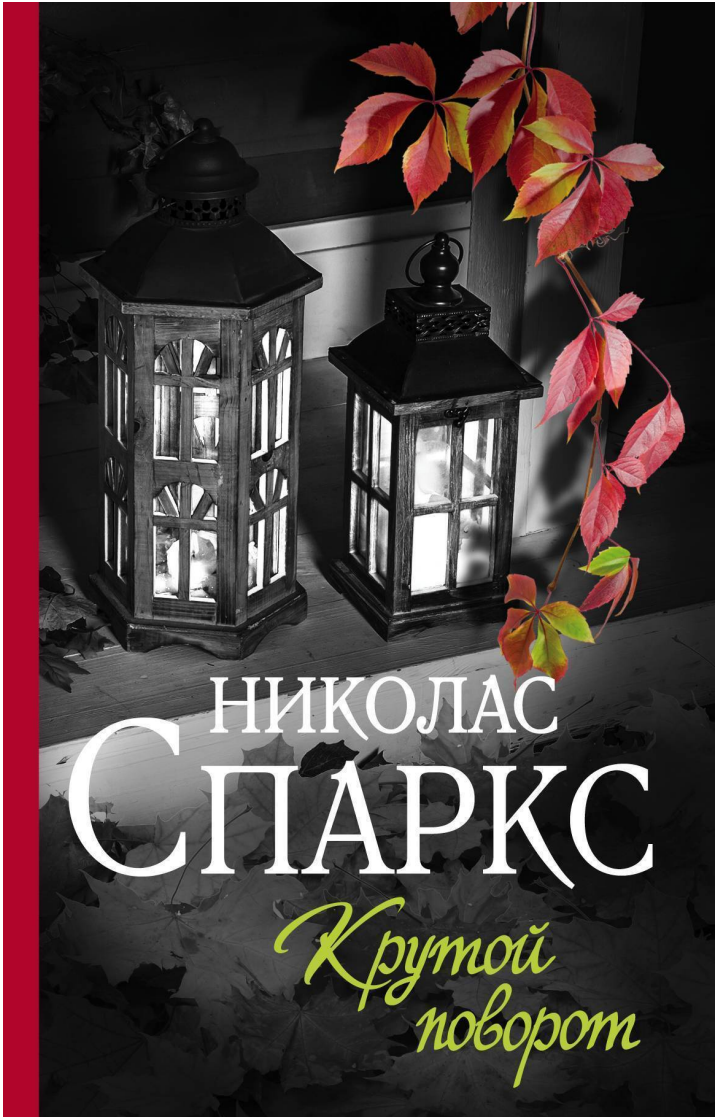
НИКОЛАС
СПАРКС
Крутой поворот

Николас Спаркс
Крутой поворот
Серия «Спаркс: чудо любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9370051
Спаркс, Николас. Крутой поворот : [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091509-5

Аннотация

У Майлза Райана – полицейского из маленького городка – в жизни остались только две цели: найти водителя, сбившего его жену, и стать идеальным отцом для осиротевшего сынишки.

Женщинам нет места в его жизни… пока в городок не приезжает молодая учительница Сара Эндрюс, которая скоро становится лучшим другом Джона.

И Сара, и Майлз хорошо знают, что такое боль утраты, и умеют понимать и сострадать. Но только ли поэтому их так неудержимо влечет друг к другу?

Но раньше, чем они успевают осознать свои чувства, происходит нечто, способное разлучить их навсегда…

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	49
Глава 4	64
Глава 5	67
Глава 6	78
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Николас Спаркс
Крутой поворот

Nicholas Sparks
A BEND IN THE ROAD
Печатается с разрешения Willow Holdings, Inc. и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.
© Nicholas Sparks Enterprises, Inc., 2001
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

От автора

Как и при создании всех моих романов, считаю, что буду крайне невнимателен, если не поблагодарю свою чудесную жену Кэти. Двенадцать лет – а все чувства по-прежнему живы. Я люблю тебя.

Мне хотелось бы также поблагодарить своих пятерых детей: Майлза, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну. Они – мои корни, а кроме того, неисчерпаемый источник веселья.

Ларри Киршбаум и Морин Иген всегда любили и поддерживали меня. Благодарю вас обоих. (P.S.: Ищите свои имена в романе.)

Ричард Грин и Хауи Сандерс, мои голливудские агенты, причем самые лучшие на свете. Спасибо, парни!

Дениз Ди Ноуви, продюсер «Послания в бутылке» и «Спеши любить», не только достигла высот в том, что делает, но и стала моим большим другом.

Скотт Швимер, мой адвокат, заслуживает самой искренней признательности, и я благодарю его от всего сердца. Он – лучший.

Майкл и Кристин, мои брат и невестка. Я люблю вас обоих.

Я хотел бы также поблагодарить Дженнифер Романелло, Эми Батталья и Эдну Фарли – пиар-агентов, Флэга, который создает обложки моих романов; Кортни Валенти и Лоренцо

Ди Бонавентуру из «Уорнер браззерз», Ханта Лоури из «Гэйлорд филмз», Марка Джонсона и Линн Харрис из «Нью лайн синема». Я здесь благодаря всем вам…

Пролог

Где же начинается эта история? В жизни так мало четко определенных «начал», тех моментов, когда мы, оглядываясь назад, можем точно сказать: это началось именно тогда. И все же есть минуты, когда судьба, пересекаясь с нашей повседневной жизнью, дает толчок последовательности событий, исход которых предвидеть невозможно.

Почти два часа ночи, а сна у меня ни в одном глазу. Улегшись в постель, я вертелся с боку на бок почти час, пока не сдался окончательно.

И вот теперь сижу за письменным столом, сжимая ручку и вспоминая о собственном столкновении с судьбой. Что же, ничего необычного. Последнее время, похоже, я только об этом и думаю.

Тишину в доме нарушает лишь мерное тиканье часов на книжной полке. Жена спит наверху, а я, глядя на разлинованную страницу блокнота, вдруг сознаю, что не знаю, с чего начать. Не потому, что сомневаюсь в достоверности истории… скорее не уверен в своем праве ее рассказывать. И чего можно добиться, копаясь в прошлом? Ведь события, которые я собираюсь описывать, происходили тринадцать лет назад, хотя на самом деле они начались еще за два долгих года до этого.

Но в душе я понимаю, что должен попытаться расска-

зать все. Хотя бы ради того, чтобы отделаться от назойливых мыслей и идти дальше.

Мои воспоминания о тех временах подкреплены дневником, который я вел с мальчишеских лет, моим собственным расследованием и, конечно, официальными отчетами. И еще тем обстоятельством, что я тысячи раз проигрывал в уме те самые события – события, запечатленные в памяти. Но только этих документов будет недостаточно. Есть другие документы и другие люди, и я был свидетелем не всех событий. Далеко не всех, а только некоторых. Понимаю невозможность воссоздать чувства, эмоции и мысли другого человека, но будь что будет: я попытаюсь…

Прежде всего это история любви, и, как множество таковых, история любви Майлза Райана и Сары Эндрюс уходит корнями в трагедию. Но в то же время это история прощения. Надеюсь, вы поймете всю глубину проблем, с которыми столкнулись Майлз Райан и Сара Эндрюс.

Думаю, вам откроется подоплека принятых решений, как верных, так и неверных, а заодно – и моих тоже.

И все же позвольте объяснить. Это не просто история Сары Эндрюс и Майлза Райана. Чтобы обратиться к истокам, надо вспомнить о Мисси Райан, школьной любви помощника шерифа маленького южного городка.

Мисси Райан, подобно своему мужу Майлзу, выросла в Нью-Берне. По общему мнению, она была добра и очарова-

тельна. И Майлз любил ее всю свою сознательную жизнь. У нее были темно-каштановые волосы и глаза как вишни, и, как я слышал, она говорила с акцентом, от которого слабели коленки у мужчин из других районов страны. Она охотно смеялась, внимательно, с интересом слушала собеседника и часто касалась его руки, словно приглашая стать частью своего мира. И, как большинство южанок, она была сильнее, чем казалась на вид. Это она, а не Майлз правила домом. И, как правило, друзья Майлза были мужьями подруг Мисси, и она жила своим домом и своей семьей.

В старших классах Мисси была чирлидером. На втором курсе высшей средней школы она, прелестная, милая девушка, была весьма популярна. И хотя, разумеется, знала Майлза Райана, но он был на год старше, и совместных занятий у них не проводилось. Однако это значения не имело. Их познакомили друзья, они стали встречаться во время перемен и обсуждать футбольные матчи. И наконец, договорились вместе провести уик-энд и отправились на вечеринку. Вскоре они уже были неразлучны, и к тому времени, когда он несколько месяцев спустя пригласил ее на школьный бал, оказалось, что к тому же и влюблены друг в друга.

Знаю, есть такие, которые презрительно фыркнут при упоминании о том, что и в столь юном возрасте существует любовь. Однако для Майлза и Мисси все именно так и было. И в каком-то смысле эта любовь оказалась сильнее, чем чувство, испытываемое людьми постарше, тем более что его не

омрачали жизненные реалии. Они встречались, пока Майлз не окончил школу, а когда он поступил в колледж в Северной Каролине, оставались верны друг другу. Тем временем Мисси тоже окончила школу и, как и Майлз, поступила в университет Северной Каролины. Когда три года спустя, за обедом, он сделал ей предложение, она заплакала, сказала «да» и целый час провела на телефоне, обзванивая родных и сообщая счастливую весть, пока Майлз в одиночестве доедал обед.

Майлз оставался в Роли[1], пока Мисси не получила степень.

На их венчании в Нью-Берне церковь была заполнена до отказа.

Мисси получила работу в отделе кредитов «Ваковия-банка», а Майлз проходил обучение, готовясь стать помощником шерифа. Она была на втором месяце, когда он стал работать в округе Крейвен, патрулируя улицы, которые всегда были их общим домом. Как многие молодые пары, они купили свое первое жилище, а в январе восемьдесят первого родился их сын Джона. Стоило Мисси бросить взгляд на белоснежный сверток, из которого выглядывало красное личико, она поняла, что материнство – самое лучшее, что с ней могло случиться. Хотя Джона до полугода не спал по ночам и были моменты, когда ей хотелось заорать на него, так же как орал на нее он, все же Мисси любила сына больше, чем

[1] Столица штата Северная Каролина. – *Здесь и далее примеч. пер.*

представлялось возможным.

Она была прекрасной матерью. Уволилась с работы, чтобы все время быть с Джоной, читала ему сказки, молилась вместе с ним, водила в игровые группы. И могла часами наблюдать, как он резвится. К тому времени, когда Джоне исполнилось пять, Мисси поняла, что хочет второго ребенка, и они с Майлзом стали прилагать к этому все старания. Семь лет брака были самыми счастливыми в их жизни.

Но в августе 1986 года, двадцатидевятилетняя Мисси Райан погибла.

И свет в глазах Джоны погас. Два года Майлз ходил сам не свой. Но смерть Мисси вымостила дорогу к тому, что произошло потом.

Итак, как я уже сказал, это история Мисси, равно как и история Майлза и Сары. Как и моя история.

Я тоже сыграл роль в том, что произошло.

Глава 1

Утром 29 августа 1988 года, через два года после смерти жены, Майлз Райан стоял на заднем крыльце дома, куря сигарету и наблюдая, как восходящее солнце медленно меняет цвет неба от жемчужно-серого до оранжевого. Перед ним расстилалась река Трент, солоноватые воды которой порой скрывали от глаз растущие по берегам кипарисы. Дым сигареты поднимался вверх, а сам Майлз физически ощущал, как растет влажность, сгущая и без того вязкий воздух.

Вскоре раздались первые птичьи трели.

Мимо проплыла небольшая лодчонка. Рыбак махнул ему рукой, и Майлз слегка кивнул в ответ – на большее не хватило энергии. Ему срочно необходима чашка кофе. Немного яванского – и он готов встречать день: отвозить Джону в школу, держать в узде местных жителей, не признающих закон, рассылать извещения о выселении по всему округу, а также справляться с постоянно возникающими проблемами вроде сегодняшней встречи с учительницей Джоны. И это только начало. Днем, похоже, работы будет еще больше. Домашние дела казались бесконечными – оплата счетов, магазины, уборка, мелкий ремонт… Даже в те редкие моменты, когда у Майлза выдавалось немного свободного времени, он чувствовал, что нужно немедленно этим воспользоваться, иначе будет поздно. Быстренько найти что почитать. Скорее

расслабиться и отдохнуть хотя бы несколько минут. Закрыть глаза, хоть ненадолго, а то тебя скоро опять позовут.

Всего этого было довольно, чтобы вымотать кого угодно, но что тут поделать?

Ему редко хотелось кофе, да и курение больше не приносило удовольствия, и он подумывал отказаться от сигарет, хотя особого значения это не имело. По мнению Майлза, он в общем-то и не курил по-настоящему. Так, пара-тройка сигарет, подумаешь! Не по пачке же в день и не всю жизнь: начал после смерти Мисси и в любой момент может бросить. Но зачем себя утруждать? Черт, да у него здоровые легкие: только на прошлой неделе пришлось догонять магазинного вора, и он без труда схватил парнишку. Курильщику такое не по плечу! Но, нужно признаться, все дается далеко не так легко, как в двадцать два. Всего десять лет назад… но даже если ему сейчас тридцать два, это еще не значит, что пора подыскивать подходящий дом престарелых. Однако моложе он не становится. И остро это чувствует: в колледже они с приятелями начинали вечер в одиннадцать и гуляли всю ночь. За последние несколько лет, если не считать тех дней, когда он работал, подразумевалось, что одиннадцать вечера – уже поздно, и даже если спать не хотелось, он все равно ложился в постель. Не мог придумать достаточно веской причины, чтобы оставаться на ногах. Усталость навсегда вошла в его жизнь. Даже в те ночи, когда у Джоны не бывало кошмаров – после смерти Мисси мальчик иногда кричал во

сне, – Майлз все равно просыпался по утрам, чувствуя себя… уставшим. Измученным. Вялым. Словно плыл под водой, не пытаясь преодолеть течение. Чаще всего он относил это на счет суматошной жизни, которую вел, но иногда гадал, уж не творится ли с ним что-то действительно неладное.

Где-то он читал, что одним из симптомов клинической депрессии является необъяснимая, беспричинная апатия. Правда, причина у него была…

Нет, в чем он действительно нуждается, так это в недолгом отдыхе в маленьком пляжном домике на Ки-Уэст, где может удить палтуса или просто лежать в покачивающемся гамаке с банкой холодного пива. И никаких проблем важнее той, надеть ли сандалии, когда идешь на пляж в компании хорошенькой женщины.

Вот еще одна беда. Одиночество. Он устал быть один, просыпаться в пустой постели. И ощутил это совсем недавно. В первый год после смерти Мисси Майлзу в голову бы не пришло, что можно полюбить другую женщину. Вообще никогда. До конца жизни. Как будто потребности в женском обществе вообще не существовало, словно желание, вожделение и любовь оставались всего лишь теоретическими возможностями, не имевшими никакого отношения к реальному миру. Даже после того как его постигли шок и скорбь, достаточно сильные, чтобы рыдать от тоски по ночам, в его жизни, казалось, недоставало чего-то важного, словно он сбился с пути, но скоро опять выйдет на прямую дорогу, так

что волноваться особенно не из-за чего.

Большинство привычных вещей совсем не изменились после похорон: счета продолжали поступать, Джону нужно было кормить, газон – стричь. Ему по-прежнему приходилось работать. Однажды, когда они накачались пивом, Чарли, его лучший друг и босс, спросил, каково это – потерять жену, и Майлз честно ответил, что совсем не ощущает потери. В его представлении Мисси вовсе не умерла, а скорее уехала с подругой на уик-энд, и оставила мужа присматривать за Джоной.

Шло время, и вместе с ним растворялось душевное онемение, к которому он уже привык. В его существование неумолимо вторгалась реальность. Но как бы Майлз ни хотел начать новую жизнь, он каждый раз обнаруживал, что всеми мыслями там, в прошлом, с Мисси. Все, казалось, напоминало о ней, особенно Джона, который с годами все больше походил на мать. Иногда, стоя в дверях и глядя на сына, которого только что уложил в кровать, Майлз видел знакомые черты жены.

И поспешно отворачивался, чтобы мальчик не увидел его слез. Но образ стоял перед глазами до самого утра. Он так любил смотреть на спящую Мисси: длинные каштановые волосы разметались по подушке, рука неизменно заведена за голову, губы слегка приоткрыты, грудь мерно вздымается. А ее запах… то, чего Майлз никогда не забудет. В первое рождественское утро после ее смерти, сидя в церкви, он уловил

легкий аромат духов, которыми обычно пользовалась Мисси. Он вцепился в боль как утопающий – в соломинку, и баюкал ее, пока не кончилась служба.

Он дорожил и другими мелочами. Когда они еще только поженились, то часто ходили на ленч в маленький ресторанчик «Фред и Клара», напротив банка, где работала Мисси. Он был в стороне от шумных улиц, тихий, и уютная атмосфера каким-то образом заставляла их еще больше уверяться в том, что между ними ничего и никогда не изменится.

После рождения Джоны они бывали там нечасто, но Майлз снова стал туда захаживать после смерти жены, словно в надежде обрести следы тех чувств, которые все еще таились в обшитых панелями стенах. Дома он тоже жил по установленным Мисси правилам. Как и она, делал покупки в бакалейной лавке вечером по четвергам. Поскольку рядом с домом Мисси выращивала томаты, Майлз сохранил все грядки. Мисси считала «Лизол» универсальным чистящим средством для кухни, и Майлз не видел причины пользоваться чем-то другим. Мисси всегда была рядом. Во всем, чем бы он ни занимался.

Но прошлой весной что-то изменилось. Неожиданно. И все же Майлз почувствовал это сразу. Направляясь в старую часть города, он поймал себя на том, что не сводит глаз с молодой пары, идущей по тротуару рука об руку. И на какое-то кратчайшее мгновение представил себя на месте мужчины, рядом с которым идет эта женщина. А если не она, значит,

другая… которая полюбит не только его, но и Джону. Та, которая способна заставить его смеяться, с кем можно разделить бутылку вина за праздничным обедом, та, которую можно обнять, прижать к себе и тихо шептать нежности, после того как погашен свет…

Такая, как Мисси…

Всплывшее в памяти лицо мгновенно дало толчок угрызениям совести и сознанию вины, достаточно сильным, чтобы выбросить из головы молодую пару. Навсегда.

Вернее, так он тогда думал.

Позднее, той же ночью, лежа в постели, он снова вспомнил о них. И хотя угрызения совести и сознание вины вместе с ощущением собственного предательства никуда не делись, они уже были не так сильны, как прежде. И в этот момент Майлз понял, что сделан первый, хотя и крошечный, шаг к примирению с ужасной потерей.

Он начал приспосабливаться к новой реальности, сказав себе, что теперь стал вдовцом, и питать подобные чувства вполне естественно, и ни один человек его за это не осудит. Никто не ожидал, что остаток жизни он проведет в одиночестве. А за последние несколько месяцев друзья не раз предлагали устроить ему свидание. Кроме того, он знал, что Мисси хотела бы видеть его женатым. Однажды она так и сказала. Как большинство супружеских пар, они любили играть в игру «Что, если», и хотя никто из них не ожидал, что случится нечто ужасное, оба считали, что Джона не должен рас-

ти в неполной семье. Кроме того, это плохо для оставшегося в живых супруга. И все же, казалось, прошло слишком мало времени…

По мере того как тянулось лето, Майлза все чаще и настойчивее стали посещать мысли о том, чтобы найти себе женщину. Мисси по-прежнему была здесь, и всегда будет здесь… и все же Майлз стал более серьезно подумывать о той, с кем можно разделить жизнь. Глубокой ночью, укачивая Джону в кресле-качалке – единственное, чем можно было вывести его из очередного кошмара, – он все смелее мечтал об этом. И в его представлении действие всегда развивалось по одному сценарию. «Возможно, стоило бы найти», сменилось на «возможно, стоит найти», а потом и «следовало бы…». Но на этом месте, как бы он ни желал обратного, мысли возвращались к «возможно, нет смысла…».

Причина таилась в его спальне.

На полке в раздувшейся от бумаг картонной папке хранилось досье о гибели Мисси. То, которое он собрал сам за время, прошедшее с похорон. Майлз всегда держал папку здесь, чтобы не забыть, что случилось. Чтобы папка напоминала о деле, которое так и не было завершено.

Напоминала о его провале.

Через несколько минут, затушив сигарету о перила и войдя в дом, Майлз налил себе кофе и отправился к сыну. Заглянув в комнату, он увидел, что Джона еще спит. Вот и хо-

рошо, у него есть немного времени.

Майлз пошел в ванную и включил душ. Прежде чем пошла вода, в трубе что-то долго шипело и шуршало. Майлз вымылся, побрился, почистил зубы, провел расческой по волосам, снова заметив, что их вроде бы стало меньше, чем прежде. Но сейчас не до этого!

Он поспешно натянул форменный мундир и пристегнул кобуру, хранившуюся обычно в сейфе над дверью спальни. В комнате Джоны послышались обычные утренние шорохи. На этот раз, когда Майлз зашел, мальчик глянул на отца припухшими со сна глазами. Он все еще сидел в кровати. Лицо недовольное, волосы растрепаны: очевидно, проснулся не более пяти минут назад.

– Доброе утро, чемпион! – улыбнулся отец.

Джона, как в замедленной съемке, приподнял голову.

– Привет, па.

– Готов к завтраку?

Джона потянулся и громко зевнул.

– А блинчики можно?

– Как насчет вафель? Мы немного опаздываем.

Джона поспешно схватил штанишки, выложенные Майлзом из шкафа еще накануне.

– Ты каждое утро это твердишь.

– А ты каждое утро опаздываешь, – пожал плечами Майлз.

– Тогда буди меня раньше.

– У меня идея получше: почему бы тебе не идти спать, когда велено?

– Но тогда я еще не устаю. Я устаю только по утрам.

– Добро пожаловать в клуб.

– Что?

– Не важно, – отмахнулся Майлз и, показав на ванную, добавил: – Не забудь причесаться, когда оденешься.

– Не забуду, – пообещал Джона.

Все как всегда… как каждое утро.

Майлз сунул вафли в тостер и налил себе еще чашку кофе. К тому времени как Джона оделся и вошел в кухню, вафли лежали на тарелке, рядом с которой стоял стакан молока. Майлз уже намазал их маслом, но Джона любил сам добавлять сироп по вкусу. Майлз принялся за свои вафли, и несколько минут в комнате царила тишина. Судя по виду, Джона все еще пребывал в собственном крошечном мирке, и хотя Майлзу нужно было с ним поговорить, он решил подождать.

Через несколько минут дружелюбного молчания Майлз наконец откашлялся.

– Как дела в школе?

– По-моему, нормально.

Вопрос тоже был частью обычного ритуала. Майлз всегда спрашивал, как дела в школе, Джона неизменно отвечал, что все нормально. Но утром, складывая рюкзачок сына, Майлз нашел записку от учительницы, просившей, если возможно,

встретиться с ней сегодня. Судя по тону письма, речь шла о чем-то более серьезном, чем обычный разговор учителя с родителем.

– Как твои занятия? Хорошо учишься?

– Угу, – промычал Джона.

– А учительница тебе нравится?

Джона, продолжая жевать, кивнул:

– Угу.

Майлз подождал, не добавит ли сын что-то еще, но мальчик молчал. Майлз придвинулся поближе.

– Почему же ты ничего не сказал о записке?

– Какой записке? – удивился сын.

– Той, что я нашел у тебя в рюкзаке. Которую ты должен был показать мне.

Джона снова пожал плечами:

– Наверное, я забыл.

– Как можно такое забыть?

– Не знаю.

– Может, тогда знаешь, почему она хочет меня видеть?

– Н-нет, – нерешительно пробормотал Джона, и Майлз сразу понял, что он говорит неправду.

– Сын, у тебя неприятности в школе?

Джона моргнул и поднял глаза. Отец обращался к нему именно таким образом, если мальчик делал что-то дурное.

– Нет, па. Честное слово. Я никогда бы не стал озорничать.

– В таком случае что означает эта записка?

– Не знаю.

– А ты подумай.

Джона заерзал на стуле, отлично сознавая, что терпение отца на исходе.

– Ну… кажется, у меня небольшие неприятности с одной работой…

– Ты же сказал, что в школе все в порядке.

– Так оно и есть. И мисс Эндрюс правда хорошая, и все такое, и мне там нравится, – выпалил Джона и, помолчав, промямлил: – Просто иногда я не понимаю, что происходит на занятиях.

– Поэтому ты и ходишь в школу. Чтобы учиться.

– Знаю, – вздохнул Джона, – но в прошлом году, с мисс Хейс, было лучше. А эта дает очень сложные задания. Некоторые у меня не получаются.

Бедняга выглядел одновременно смущенным и испуганным.

Майлз положил руку на плечо сына.

– Почему ты не рассказал мне обо всем?

Джона долго молчал.

– Не хотел, чтобы ты на меня сердился, – выдавил он наконец.

После завтрака, убедившись, что Джона готов к выходу, Майлз помог ему надеть рюкзак и повел к двери.

Из-за неприятного разговора мальчик был непривычно

молчалив. Майлз нагнулся и поцеловал его в щеку.

– Не волнуйся насчет сегодняшнего разговора с учительницей. Все будет хорошо, слышишь?

– Ладно, – буркнул Джона.

– И не забывай, что я заеду за тобой, так что в автобус не садись.

– Ладно, – повторил мальчик.

– Я люблю тебя, парень.

– И я тебя тоже, па.

Майлз проводил взглядом идущего к автобусной остановке сына. Вот Мисси в отличие от него вряд ли удивилась бы случившемуся. Мисси уже знала бы, что у Джоны неприятности в школе. Она никогда не обходила вниманием подобные проблемы.

Мисси всегда умела обо всем позаботиться…

Глава 2

Вечером, накануне встречи с Майлзом Райаном, Сара Эндрюс прогуливалась по исторической части Нью-Берна, изо всех сил стараясь не торопиться. И хотя неплохо было бы ускорить шаг – она стала приверженцем бега трусцой с тех пор, как перебралась сюда, – все же делать этого не хотелось. Всякий раз, выходя из дома, она обнаруживала что-то новое, заставлявшее ее останавливаться и смотреть во все глаза.

Нью-Берн, основанный в 1710 году, был расположен на берегах рек Трент и Ньюс. Второй старейший город штата, он был когда-то столицей, и именно здесь находился дворец Трайон, резиденция колониального губернатора. Уничтоженный пожаром 1798 года, дворец был восстановлен в 1954-м вместе с поразительными по красоте и изысканности южными садами, где каждую весну цвели тюльпаны и азалии, а осенью – хризантемы. Впервые придя сюда, Сара долго бродила по садам. Даже тогда, в межсезонье, она поняла, что лучше всего жить где-то поблизости, чтобы каждый день проходить мимо садовых ворот.

И сняла небольшую квартирку на Мидл-стрит, в нескольких кварталах от дворца, в самом сердце старого города. Попасть в квартиру можно было, поднявшись по лестнице. Неподалеку располагалась аптека, где в 1898 году Калеб Брэдем впервые представил своим посетителям новый напи-

ток, известный теперь как «пепси-кола». За углом находилась епископальная церковь – величественное кирпичное сооружение, затененное высокими магнолиями. Впервые его двери открылись в 1718 году. Выйдя на прогулку, Сара миновала оба здания по пути к Франт-стрит, улице старинных особняков, стоявших здесь вот уже более двухсот лет.

Но больше всего ее восхищало то, что большинство домов были тщательно отреставрированы за последние пятьдесят лет. Здание за зданием. В отличие от Уильямсберга штат Виргиния, который был восстановлен в основном благодаря гранту Фонда Рокфеллера, Нью-Берн обратился к своим гражданам, и они откликнулись. Такое чувство общности влекло сюда ее родителей четырьмя годами раньше. Сама же Сара ничего не знала о Нью-Берне, пока не перебралась в город в прошлом июне.

Продолжая путь, она невольно отмечала, как сильно отличается Нью-Берн от Балтимора, штат Мэриленд, где она родилась и выросла, где жила до переезда сюда. Балтимор, имеющий свою богатую историю, прежде всего был большим городом, а Нью-Берн – небольшим южным городком, относительно уединенным и не собиравшимся подлаживаться под все убыстряющийся ритм современной жизни. Здесь люди приветственно махали руками, встречая Сару на улицах, и любой вопрос требовал медленного, обстоятельного ответа, обычно пересыпанного упоминаниями о людях или событиях, совершенно Саре неведомых, словно все здесь были род-

ственниками. Это казалось довольно милым, но иногда доводило до исступления.

Ее родители переехали сюда, потому что отец согласился принять должность руководителя в медицинском центре округа Крейвен.

После развода дочери они стали настаивать на ее переезде сюда. Хорошо зная свою мать, Сара оттянула решение на год.

Не то чтобы она не любила мать, но иногда та… скажем, удивительно умела вытягивать энергию из окружающих. Все же ради собственного спокойствия Сара послушалась совета родителей, и пока что, слава Богу, не пожалела. Здешняя жизнь прекрасно ей подходила, но каким бы очаровательным ни был городок, она все же не могла представить, что останется здесь навсегда.

Сара сразу поняла, что Нью-Берн не для одиночек. Здесь практически не было мест и возможностей для нового знакомства, да и ее ровесники-мужчины почти все были женаты и имели детей, а следовательно, одинокая женщина не вписывалась в их круг и компании. Особенно та, которая недавно развелась и была здесь новичком.

Однако это место идеально подходило для того, чтобы растить детей, и иногда Саре нравилось представлять, что бы было, сложись ее жизнь иначе. Девушкой она всегда считала, что ее будущее – замужество, дети, дом, добрые соседи, которые собираются у себя во дворах по пятничным вечерам, после окончания рабочей недели. Именно таким было

ее детство, именно так ей хотелось жить всегда. Но она уже поняла, что мечты редко сбываются.

Встретив Майкла, она первое время пребывала в полной уверенности, что их ждет только счастье. Сара вот-вот должна была получить учительский диплом. Майкл только что сдал экзамены на степень магистра в области делового администрирования. Его семья потомственных банкиров, одна из самых известных в Балтиморе, была очень богата и держалась тесным кланом. Именно такие семьи заседают в советах директоров различных корпораций и являются членами закрытых клубов. Но Майкл, казалось, игнорировал семейные ценности, хотя и считался завидной партией. Стоило ему войти в комнату, как головы присутствующих поворачивались к двери, и хотя Майкл знал, что происходит, все же одним из трогательных его качеств было умение делать вид, будто мнение окружающих его совершенно не волнует.

Ключевым выражением, конечно, тут было «делать вид».

Сара, как все ее подруги, знала, кто он такой, но когда на вечеринке он подошел к ней, очень удивилась. Между ними мгновенно возникло притяжение. Короткий разговор привел к длинной беседе за кофе, а потом и к ужину. Вскоре они стали постоянно встречаться, и Сара влюбилась. Через год Майкл сделал предложение.

Ее мать была в восторге. Но отец лишь коротко пожелал дочери счастья. Может, заподозрил что-то, может, достаточно долго жил на этом свете, чтобы знать: волшебные сказ-

ки редко сбываются в этом жестоком мире. Как бы там ни было, он ничего не сказал дочери, и, по правде говоря, тогда Сара была не в том состоянии, чтобы выслушивать чьи-то опасения. Да и все было хорошо… кроме одного: Майкл попросил ее подписать брачный контракт, объяснив, что на этом настаивает его семья. Но хотя он всеми силами старался свалить вину на родителей, Сара невольно заподозрила, что, если бы не их требования, Майкл сделал бы это по собственной воле. И тем не менее все подписала. В тот же вечер родители Майкла устроили пышную помолвку, объявив о предстоящей свадьбе.

Через семь месяцев Сара и Майкл поженились. Провели медовый месяц в Греции и Турции, а вернувшись домой, поселились в двух кварталах от дома родителей Майкла. Хотя Сара могла и не работать, она все же начала преподавать во втором классе начальной школы. Майкл, к удивлению всех, поддержал ее решение. Но тогда это было типично для их отношений. В первые два года супружеской жизни все казалось идеальным. Они с Майклом проводили в постели чуть не все уик-энды, болтали, занимались любовью, и он признавался, что мечтает когда-нибудь заняться большой политикой. У них оказался большой круг друзей, в основном старых приятелей Майкла, с которыми всегда можно было устроить вечеринку или поехать за город. Оставшееся свободное время они проводили в Вашингтоне: бродили по музеям, бывали в театрах, гуляли среди памятников на бульваре Кэпи-

тол-Молл. Именно здесь, стоя в мраморном зале мемориала Линкольна, Майкл сказал, что хочет детей. Не успели слова слететь с его губ, как Сара бросилась ему на шею, зная, что ничто, сказанное им, не сможет сделать ее счастливее.

Кто сможет объяснить, что случилось потом?

Прошло несколько месяцев после того блаженного дня, но Сара никак не могла забеременеть. Доктор велел ей не волноваться и добавил, что иногда это случается не сразу, особенно если резко бросить принимать противозачаточные таблетки. И предложил прийти к нему еще раз, если проблема не разрешится.

Проблема не разрешилась, и доктор назначил анализы. Несколько дней спустя она снова пришла и при одном взгляде на лицо доктора поняла: что-то неладно.

Именно тогда она узнала, что бесплодна.

А через неделю Сара и Майкл крупно повздорили. Майкл не вернулся домой с работы, а она металась по дому, гадая, почему муж не позвонил, и представляя себе различные ужасы, которые могли с ним случиться. К тому времени, когда он вернулся домой, она уже была вне себя. А Майкл напился.

Она услышала единственное объяснение: «Я не твоя собственность». С этой фразы все и началось. И покатилось, как лавина с горы. В тот момент они наговорили друг другу множество гадостей, о которых Сара пожалела позднее. Майкл извинялся и горячо уверял, что его чувства к ней не изме-

нились.

– Все будет хорошо, – обещал он. – Мы сумеем пройти через это.

Но к несчастью, отношения становились все хуже и хуже. С каждым месяцем споры учащались, а пропасть между супругами становилась все шире. Как-то, когда Сара предложила усыновить ребенка, Майкл попросту отмахнулся, заявив, что его родители никогда этого не допустят.

В глубине души Сара сознавала, что в ту ночь их будущая разлука стала неотвратимой. И дело было не в его словах. И не в том, что он принял сторону родителей. Майкла выдало выражение лица. Он словно давал понять, что считает эту проблему только ее собственной. Не их общей.

Менее чем через неделю Сара нашла Майкла в гостиной со стаканом виски в руке. Судя по мутному взгляду мужа, она предположила, что это уже не первая порция. Майкл тут же перешел к делу, заявив, что хочет развода, и уверен, что она его поймет. К концу его речи Сара потеряла способность что-то отвечать. Впрочем, ей этого и не хотелось.

Их брак умер, не продлившись и трех лет. Саре было двадцать семь.

Следующий год прошел как в тумане. Все жаждали узнать, что произошло. Но Сара рассказала правду только родным.

– Не сошлись характерами, – упорно повторяла она любопытным.

Она продолжала учительствовать, но только потому, что не знала, как быть дальше. Два часа в неделю она проводила с Сильвией, прекрасной женщиной, консультантом по семейным проблемам. Когда та рекомендовала группу поддержки, Сара посетила несколько собраний. В основном не высказывалась, а слушала и вроде бы ощущала, что ей становится легче. Но иногда, сидя одна в своей маленькой квартирке, часами плакала, сознавая, в какой невыносимой ситуации оказалась. В один из самых тяжких моментов она даже стала подумывать о самоубийстве, хотя ни консультант, ни родные об этом не знали. Именно тогда Сара поняла: нужно уехать из Балтимора и начать новую жизнь там, где ее не будут преследовать мучительные воспоминания. Там, где она никогда не бывала раньше.

И теперь, проходя по улицам Нью-Берна, Сара делала все возможное, чтобы оставить прошлое позади и двигаться дальше. Иногда приходилось бороться с собой, но все было далеко не так плохо, как вначале. Родители по-своему поддерживали ее: отец молчал, не касаясь болезненной темы, мать подсовывала вырезки из медицинских журналов о последних достижениях гинекологии. Но истинным спасителем оказался ее брат Брайан, тогда еще не уехавший учиться в Университет Северной Каролины.

Как большинство юношей его возраста, он казался рассеянным и отчужденным, но на самом деле был самым внимательным и чутким слушателем. И всегда находился рядом,

когда ей необходимо было выговориться. Теперь Сара очень по нему скучала. Они всегда были близки, младший брат и старшая сестра, которая помогала менять ему пеленки и памперсы и кормила, когда позволяла мать. Позже, когда он ходил в школу, Сара вместе с ним делала домашние задания, и именно в то время поняла, что хочет стать учительницей.

Это решение было единственным, о котором она никогда не жалела. Сара любила свою профессию. Любила работать с детьми. Каждый раз, входя в новый класс и видя, как тридцать пар глаз выжидающе смотрят на нее, она понимала, что правильно выбрала профессию. Вначале, как большинство молодых учителей, она была идеалисткой, предполагая, что любой ребенок проникнется к ней любовью, если сильно постараться. Как ни грустно, но с тех пор она успела усвоить, что это попросту невозможно. Некоторые дети, по каким-то своим причинам, замыкались в себе, не слыша то, что говорила Сара, как бы упорно ни пыталась до них достучаться. И это было самой неприятной частью ее работы, единственной, из-за которой она не спала по ночам. Но попыток не оставляла.

Сара вытерла пот со лба, радуясь, что воздух постепенно становится прохладнее. Солнце опустилось ниже над горизонтом, а по земле протянулись длинные тени.

Когда она проходила мимо пожарного депо, двое пожарных, сидевших у ворот на садовых стульях, кивнули ей.

Сара улыбнулась. Пожары в этом городе случались крайне

редко. Она видела этих людей каждый день, на одном и том же месте, вот уже в течение четырех месяцев.

Нью-Берн…

С тех пор как она приехала сюда, ее жизнь отличалась странной простотой. И хотя временами ей не хватало энергетики большого города, нужно признать, что размеренное существование имеет свои преимущества.

Летом Сара часто бродила по антикварным магазинчикам или просто любовалась яхтами, стоявшими на якоре за «Шератоном». Даже сейчас, когда занятия снова начались, она никуда не спешила. Работала, гуляла, иногда заходила к родителям, но большинство вечеров проводила одна. Слушала классическую музыку и переписывала планы уроков, которые привезла из Балтимора. И это ее вполне устраивало.

Поскольку в школе она была новенькой, ее планы все еще требовали небольшой доработки. Она обнаружила, что в основных предметах многие ученики продвинулись не так далеко, как ожидалось. Пришлось немного скорректировать планы и включить больше дополнительной работы. Впрочем, она ничему не удивлялась: каждая школа работала по-своему. Но к концу года учеников необходимо подтянуть. Один мальчик особенно ее беспокоил.

Джона Райан.

Славный малыш, застенчивый и скромный. Именно такого очень легко просмотреть. В первый день занятий он сидел в последнем ряду и вежливо отвечал на вопросы. Но работа

в Балтиморе приучила ее не выпускать подобных детей из виду. Иногда их застенчивость ничего не означала. Иногда означала, что они что-то пытаются скрыть. Попросив класс сдать первые задания, она мысленно велела себе тщательно проверить его работу. Волновалась она, как выяснилось, не зря.

Детям было задано написать несколько строк о том, как они провели лето, – верный способ выяснить уровень грамотности в классе. В большинстве работ оказался обычный набор фраз, пестревших ошибками и незавершенными мыслями, изложенными плохим почерком. Но Джона выделялся из всех хотя бы потому, что не сделал то, о чем она просила. Написал свое имя в верхнем правом углу, но вместо сочинения нарисовал себя стоявшим в маленькой лодке с удочкой в руке. Когда она спросила, почему он не выполнил задание, Джона объяснил, что миссис Хейс всегда позволяла ему рисовать, потому что «он не слишком хорошо пишет».

В голове у Сары немедленно завыли тревожные сирены. Она улыбнулась и наклонилась к нему ближе.

– Можешь показать?

Джона нерешительно кивнул.

Пока остальные перешли к другому заданию, Сара наблюдала за честными стараниями Джоны. И быстро поняла, что это бессмысленно: Джона не умеет писать. Чуть позже она обнаружила, что он едва читает, да и в арифметике смыслит не многим лучше. Если бы ей предложили угадать, в каком

он классе, она подумала бы, что Джона еще ходит в детский сад.

Первой ее мыслью было, что у мальчика нечто вроде дислексии. Но проведя с ним неделю, она уверилась, что это не так. Он не путал буквы и слова, понимал все, что ему говорили. Как только она показывала, как нужно делать правильно, он быстро все перенимал. Очевидно, его проблема крылась в том, что он ни разу не делал домашние задания, так как учителя этого не требовали.

Сара стала расспрашивать коллег и узнала о матери Джоны. Хотя она и сочувствовала мальчику, все же понимала, что нельзя позволять Джоне бездельничать, как это делали прежние, добросердечные учителя. Такое отношение только вредит мальчику. Но в то же время она не могла уделять ему необходимое внимание, поскольку в классе было еще двадцать девять учеников. Поэтому Сара и решила встретиться с отцом Джоны, рассказать обо всем в надежде, что они смогут найти выход из создавшегося положения.

Она слышала о Майлзе Райане.

Не слишком много, но знала, что люди по большей части любили и уважали его, и, главное, он трогательно заботился о сыне. И это было прекрасно. Проработав в школе совсем недолго, она, однако, не раз видела родителей, абсолютно равнодушных к собственным детям, считавших их скорее бременем, чем благословением. Встречались также родители, уверенные в том, что их ребенок – само совершенство.

И с теми, и с другими было невозможно разговаривать. Но люди говорили, что Майлз Райан не таков.

На следующем перекрестке Сара замедлила шаг, ожидая, пока проедут машины. Перешла улицу, помахала продавцу за аптечным прилавком и захватила почту, прежде чем подняться к себе. Открыла дверь, наскоро просмотрела почту и положила на столик у двери.

Прошла на кухню, налила себе стакан воды со льдом и отнесла в спальню, где разделась, небрежно кидая вещи на вешалку и нетерпеливо ожидая мгновения, когда можно будет встать под холодный душ. Но тут ее внимание привлек мигающий индикатор автоответчика. Сара нажала на кнопку и услышала голос матери. Та приглашала дочь в гости, даже не спросив, есть ли у той другие дела. В материнском голосе, как всегда, звучало легкое беспокойство.

На тумбочке, рядом с автоответчиком, стояло фото семьи Сары: Морин и Ларри в середине, Сара и Брайан по бокам.

Раздался щелчок. Очередное сообщение от матери.

– Я думала, ты уже дома… надеюсь все в порядке…

Придет ли она? Есть у нее настроение?

Почему бы нет? Все равно свободного времени у нее много.

Майлз Райан ехал по Мэдем-Мурз-лейн – узкой извилистой дороге, идущей вдоль реки Трент и Брайс-Крик, из старой части Нью-Берна в Поллоксвилль, маленький поселок

в двенадцати милях к югу отсюда. Названная в честь женщины, которая когда-то содержала один из самых знаменитых борделей в Северной Каролине, дорога проходила мимо бывшей мэрии и могилы Доббса Спайта, героя-южанина, подписавшего Декларацию независимости. Во время Гражданской войны солдаты-северяне выкопали скелет Спайта и повесили череп на железных воротах как предостережение гражданам города не сопротивляться оккупации. В детстве Майлз, наслушавшись подобных историй, боялся и близко подходить к этому месту.

Несмотря на красоту и относительную уединенность, дорога была небезопасна для детей. Тяжелые, доверху груженные лесовозы ревели на ней день и ночь, а водители не имели привычки сбрасывать скорость на поворотах. Как владелец дома, стоявшего неподалеку от дороги, Майлз годами пытался официально снизить пределы скорости.

И никто, кроме Мисси, его не слушал.

Дорога всегда наводила его на мысли о жене.

Майлз щелчком выбил из пачки очередную сигарету, закурил и опустил стекло. В машину ворвался теплый воздух, а в голове у Майлза снова стал прокручиваться фильм, простые кадры их совместной жизни. Но как всегда, эти кадры неизменно заканчивались их последним днем.

Какая грустная ирония заключалась в том, что его не было дома в то воскресенье! Майлз отправился на рыбалку с Чарли Кертисом. В то утро он выехал пораньше, и хотя оба

они наловили дорадо, все же умилостивить жену не удалось. Мисси с перепачканным лицом немедленно подбоченилась и окинула мужа яростным взглядом. Правда, ничего не сказала. Да и зачем? Достаточно было одного взгляда.

На следующий день из Атланты должен был приехать ее брат с женой, и Мисси с самого утра готовила дом к приему гостей. Джона лежал в постели с гриппом, что отнюдь не облегчало ей жизнь: приходилось заботиться и о больном сыне. Но не это все, а сам Майлз был причиной ее гнева. Хотя она вроде бы и не возражала против его похода на рыбалку, но все же попросила мужа навести в субботу порядок во дворе, чтобы не волноваться хотя бы об этом. Однако в субботу пришлось работать, и вместо того чтобы позвонить Чарли и извиниться, Майлз предпочел все равно отправиться на рыбалку. Чарли весь день издевался над ним из-за этого, предрекая, что сегодняшнюю ночь он проведет на диване. И Майлз знал, что Чарли, возможно, прав. Но двор – двором, а рыбалка – рыбалкой, и Майлз мог бы поклясться, что шурину и невестке совершенно безразлично, есть ли на участке пара лишних сорняков.

Кроме того, он уверял себя, что все сделает, когда вернется. И честно в это верил. Он не собирался проводить на реке целый день, но, как обычно, одно цеплялось за другое, и он потерял счет времени. Все же Майлз успел заготовить речь: «Не волнуйся, я все сделаю, даже если придется работать всю ночь при свете фонарика».

Все могло бы сработать, расскажи он ей о своих планах, перед тем как утром выскользнуть из постели. Но он этого не сделал, и к тому времени как вернулся домой, Мисси уже почти все прополола. Газоны были подстрижены, ограда дорожки подправлена, и она еще обсадила почтовый ящик анютиными глазками. Должно быть, на это ушло немало времени, и теперь эпитет «рассерженная» далеко не отражал ее состояние. Даже «взбешенной» было недостаточно. Сейчас она была чем-то средним между зажженной спичкой и разгоревшимся лесным пожаром. И Майлз это понимал. Он уже видел подобное выражение лица Мисси… несколько раз, за все годы их супружеской жизни.

И сразу понял, что грянет буря.

– Послушай, солнышко, – покорно пробормотал он, – прости, что опоздал. Мы с Чарли немного забылись.

И как раз когда он уже был готов начать речь, Мисси повернулась к нему спиной и бросила:

– Пойду побегаю. Надеюсь, ты закончишь работу.

Она хотела очистить от травы дорожки: подъездную и перед крыльцом. На газоне стоял садовый вентилятор.

Майлз счел за лучшее промолчать.

Мисси ушла переодеваться, а Майлз вынул из багажника переносной холодильник и принес на кухню. Он все еще выкладывал дорадо в морозилку, когда из спальни вышла Мисси.

– Я убирал рыбу… – начал он, но Мисси скрипнула зуба-

ми:

– Как насчет того, чтобы выполнить мою просьбу?

– Я обязательно сделаю, просто позволь мне закончить, чтобы рыба не испортилась.

Мисси закатила глаза к небу.

– Забудь. Я все сделаю сама, когда вернусь.

Тон мученицы. Этого Майлз терпеть не мог.

– Я сейчас все доделаю. Сказал же!

– Так же как подстриг газон, прежде чем уехать на рыбалку?

Ему бы следовало прикусить язык и спустить все на тормозах. Да, он провел день на рыбалке, вместо того чтобы работать по дому, да, он ее подвел. Но подумаешь, большое дело! Не слишком важные персоны этот братец и его жена. В конце концов, не президент же приезжает! И нет никаких причин закатывать скандал!

Да, ему следовало бы промолчать, особенно судя по тому, как она посмотрела на него после такого высказывания.

Когда за ней захлопнулась дверь, Майлз услышал, как задребезжали стекла.

Немного погодя он понял, что был не прав, и пожалел о своей резкости. Он был полным идиотом, а она правильно отчитала его.

Но Майлз так и не успел сказать, как сожалеет о ссоре.

– Все еще куришь?

Чарли Кертис, шериф округа, поднял глаза, едва Майлз уселся за стол.

– Я не курю, – поспешно заверил Майлз.

Чарлз воздел руки.

– Знаю-знаю, ты уже сто раз это говорил. Послушай, если хочешь дурачить себя, ради Бога! Но когда ты приходишь, мне всегда приходится выставлять на стол пепельницы.

Майлз рассмеялся. Чарлз был одним из немногих жителей города, обращавшихся с ним так, словно никакой трагедии не произошло. Они дружили много лет. Именно Чарли предложил ему стать помощником шерифа и взял его под крыло, как только Майлз закончил обучение. Кертису было уже шестьдесят пять, и в волосах проглядывала седина. За последние несколько лет он набрал двадцать фунтов, и почти все они осели вокруг талии. Нельзя сказать, чтобы вид у него был слишком грозным, зато проницательность и ум неизменно помогали ему выудить необходимую информацию. Он переизбирался много раз, и никто даже не трудился выставлять против него свою кандидатуру.

– Если не прекратишь свои вздорные обвинения, я к тебе заходить не буду, – пригрозил Майлз.

Они сидели в угловой кабинке, и официантка, измученная беготней и пришедшими на ленч посетителями, по пути к следующему столику поставила им графин со сладким чаем и два стакана со льдом. Майлз налил чаю и подвинул стакан Чарли.

– Бренда расстроится, – заметил Чарли. – Ты ведь знаешь: она начинает замыкаться в себе, когда ты долго не приводишь Джону.

Он отхлебнул чаю и поморщился.

– Слишком сладко. Так ты собираешься встретиться сегодня с Сарой?

– С кем? – удивился Майлз.

– С учительницей Джоны.

– Это тебе жена сказала?

Чарли ухмыльнулся. Бренда работала в офисе директора школы и, похоже, знала все, что происходит.

– Конечно.

– Так как ее зовут?

– Бренда, – серьезно ответил Чарли.

Майлз уставила на друга, и тот изобразил внезапное озарение.

– А, ты об учительнице? Сара. Сара Эндрюс.

– Она хорошая учительница?

– Полагаю, что да. Бренда очень ее хвалит. А ребятишки так просто обожают. Впрочем, Бренда хвалит всех и каждого. – Он подался вперед и заговорщически подмигнул: – Но она клянется, что эта Сара – настоящая красотка. Есть на что поглядеть, если понимаешь, о чем я.

– И какое это имеет отношение ко всему прочему?

– Да, и Бренда сказала, что она не замужем.

– И?..

– И ничего.

Забыв о нелюбви к сахару, Чарли разорвал пакетик и высыпал в чай белые кристаллики.

– Я просто передаю тебе слова Бренды, – пожал он плечами.

– Прекрасно, я все оценил, – кивнул Майлз. – Не знаю, как прожил бы день без комментариев Бренды!

– О, не принимай так близко к сердцу, Майлз. Ты же знаешь, она всегда высматривает для тебя подходящую невесту.

– Передай, что мне и так хорошо.

– Черт, я знаю. Но Бренда волнуется за тебя. Она ведь знает, что ты куришь!

– Итак, будем продолжать меня доставать, или у тебя есть другая причина для встречи?

– Собственно говоря, да. Но должен же я привести тебя в соответствующее настроение, чтобы ты с катушек не сорвался.

– Ты это о чем?

Подошедшая официантка почти швырнула на стол две тарелки с барбекю, салатом из моркови и капусты и кукурузными оладьями – их обычный заказ, – и Чарли воспользовался моментом, чтобы собраться с мыслями. Добавил уксуса к мясу и перца в салат. Но решив, что ходить вокруг да около бесполезно и искать легких путей не стоит, выпалил:

– Харви Уэллман решил закрыть дело Отиса Тимсона!

Харви Уэллман был окружным прокурором округа Крей-

вен. Утром он говорил с Чарли и пообещал все рассказать Майлзу, но Чарли решил взять это на себя.

– Что? – выпалил Майлз, вскинув голову.

– У него недостаточно улик. У Бека Суонсона внезапно появилась амнезия. Не помнит, что случилось.

– Но я там был.

– Да, уже после драки. И ничего не видел!

– Видел кровь. Видел сломанные стул и стол посреди бара. Видел собравшуюся толпу.

– Знаю-знаю. Но что прикажешь делать Харви? Бек клянется всеми святыми, что он всего лишь упал, а Отис его и пальцем не тронул. Вроде бы в тот вечер он напился до бесчувствия, но сейчас голова прояснилась, и он все вспомнил.

Майлз мгновенно потерял аппетит и отодвинул тарелку.

– Если еще раз туда съездить, наверняка можно найти очевидца того, что там произошло.

Чарли покачал головой.

– Знаю, тебя это задело, но что хорошего это даст? Не помнишь, сколько братьев Отиса присутствовало там прошлой ночью? Они тоже скажут, что все было тихо, и кто знает, может, именно они все и сотворили? Без показаний Бека дело развалилось. Кроме того, ты знаешь Отиса. Он натворит что-нибудь еще, только дай ему время.

– Это меня и тревожит.

Между Майлзом и Отисом была давняя вражда, начавшаяся, когда Майлз еще только стал помощником шерифа. Он

арестовал Клайда Тимсона, отца Отиса, когда тот избил жену. От его удара женщина пробила сетчатую дверь их передвижного дома и упала на землю, получив сотрясение мозга. За это Клайд отсидел срок, хотя не такой большой, как следовало бы.

Вскоре по кривой дорожке пошли пятеро из шести его сыновей, совершив различные преступления, от торговли наркотиками до побоев и кражи машин.

По мнению Майлза, наибольшую опасность представлял именно Отис. Просто потому, что был самым умным из всей семейки.

Майлз подозревал, что он не просто мелкий пакостник, как остальные его родственники. Да и не походил он на такового. В отличие от братьев Отис не разукрасил себя татуировками и коротко стригся. Иногда даже выполнял случайную работенку, обычно самую незатейливую, связанную с физическим трудом. Его имя упоминалось в связи с различными преступлениями, и жители города часто судачили о том, что именно он направлял в округ поток наркотиков, хотя Майлз так и не смог это доказать. Все их рейды, к его досаде, ничего не давали.

Отис тоже имел на него зуб.

Майлз не понимал этого, пока не родился Джона. Тогда он арестовал троих братьев за драку, разгоревшуюся во время семейной вечеринки. Неделю спустя, когда Мисси укачивала в гостиной четырехмесячного Джону, в оконное стекло

влетел кирпич, едва ее не задевший. Осколком стекла Джоне поцарапало щеку. Майлз ничего не смог доказать, хотя знал, что это дело рук Отиса. Он приехал на участок Тимсонов – несколько убогих передвижных домов, поставленных полукругом на городской окраине. С ним были еще три помощника с оружием наготове. Тимсоны не сопротивлялись: подняли руки, позволили надеть на себя наручники.

К сожалению, отсутствие доказательств не позволило предъявить им обвинение. Майлз был в бешенстве и после освобождения Тимсонов припер к стенке Харви Уэллмана. Дело едва не дошло до драки, и Майлза едва успели оттащить в сторону.

В последующие годы случались и другие покушения: пули, свистевшие около уха, неизвестно каким образом случившийся в гараже Майлза пожар, многочисленные происшествия, скорее похожие на проделки подростков. И опять – никаких свидетелей. После смерти Мисси все вроде бы утихомирилось.

До последнего ареста.

Лицо Чарли было серьезным.

– Послушай, мы с тобой знаем, что он виновен во всем, но даже не думай справиться с этим в одиночку. Не хочешь же ты, чтобы покушения начались снова. Тебе нужно думать о Джоне, ты не всегда бываешь рядом. И не сможешь уберечь его, если что…

Майлз уставился в окно.

– Знаешь, – продолжал Чарли, – он обязательно наделает глупостей, и если найдутся свидетели, я первый его арестую. Ты это знаешь. Но не ищи беды на свою голову. Он скверный парень. Держись от него подальше.

Майлз по-прежнему молчал.

– Не лезь в это дело, понял?

На этот раз Чарли говорил не просто как друг, но и как босс Майлза.

– Почему ты все это мне говоришь?

– Я только что объяснил.

Майлз пристально уставился на Чарли.

– Но есть и кое-что еще, верно?

Чарли долго смотрел в глаза Майлзу.

– Ну… Отис говорит, что ты грубо обращался с ним при аресте… и подал на тебя жалобу.

Майлз с такой силой ударил кулаком по столу, что грохот разнесся по всему ресторану. Сидевшие за соседним столиком подскочили от неожиданности и стали оборачиваться, но Майлз ничего не замечал.

– Это дерьмо…

Чарли поспешно поднял руки, пытаясь его остановить:

– Черт, я все это знаю, и так и сказал Харви. Он не даст жалобе ход. Но вас вряд ли можно назвать лучшими друзьями. И он знает, каков ты бываешь в гневе. И хотя ничего не предпримет, все же считает возможным, что Отис говорит правду. И это Харви велел передать, чтобы ты отстал от Тим-

сонов.

– А если я увижу, как Отис совершает преступление? Что мне делать? Отвернуться?

– Да нет… не глупи! В этом случае я бы сам тебя уволил. Просто держись на расстоянии, пока ветер не переменится… если, конечно, не будет иного выбора. Я говорю это ради твоего собственного блага, понял?

Майлз долго молчал, прежде чем вздохнуть.

– Ладно, – выдавил он наконец.

Однако, говоря это, он знал, что между ним и Отисом еще далеко не все кончено.

Глава 3

Через три часа после разговора с Чарли Майлз припарковался перед начальной школой «Грейтон», как раз когда заканчивались занятия. Рядом уже стояли три школьных автобуса, к которым цепочкой шли ученики. Отец и сын увидели друг друга одновременно. Джона радостно замахал руками и бросился к машине. Майлз знал, что через несколько лет, став подростком, мальчик уже не будет таким непосредственным. Джона с ходу бросился в распахнутые руки отца, и Майлз крепко стиснул сына, наслаждаясь близостью к нему.

– Эй, чемпион, как дела в школе.

Джона отодвинулся.

– Все хорошо. А как твоя работа?

– Получше, особенно теперь, когда она на сегодня закончена.

– Арестовал кого-нибудь сегодня?

Майлз покачал головой:

– Нет. Может быть, завтра. Послушай, хочешь поесть мороженого после того, как я поговорю с твоей учительницей?

Джона радостно закивал, и Майлз поставил его на землю.

– Вполне справедливо; так мы и сделаем. Ты можешь поиграть один на площадке, пока я буду занят? Или хочешь подождать в школе?

– Я уже не маленький. Кроме того, Марку тоже пришлось

остаться. Его мама пошла к доктору.

Майлз оглянулся и увидел, как лучший друг Джоны нетерпеливо подпрыгивает около баскетбольного кольца. Заправив рубашку Джоны в штанишки, он приказал:

– Держитесь вдвоем, слышите? И никуда отсюда не уходите!

– Ладно, па.

– И будьте поосторожнее!

Джона отдал отцу рюкзак и убежал. Майлз бросил рюкзак на переднее сиденье и стал пробираться между машинами. Кто-то из детей громко здоровался. Им вторили матери – из тех, кто возил своих ребятишек из школы домой. Иногда Майлз останавливался, чтобы поговорить со знакомыми и переждать, пока суматоха стихнет. Как только автобусы отъехали, а учителя стали входить в здание, он еще раз оглянулся на сына, прежде чем последовать за ними. Внутри в лицо ударила струя горячего воздуха. Школьное здание было построено сорок лет назад, и хотя вентиляционная система несколько раз заменялась, в первые несколько недель, пока еще стояла жара, кондиционеры просто не справлялись. Майлз мгновенно покрылся потом и поспешил расстегнуть верхние пуговки рубашки. Он знал, что классная комната Джоны находится в дальнем конце коридора. Там никого не оказалось.

Сначала Майлз решил, что попал не туда, но тут же прочитал знакомые имена детей на вывешенном у доски спис-

ке. Взглянув на часы, он понял, что пришел чуть раньше назначенного времени, и стал прохаживаться по комнате. Увидел задание, написанное на доске, стоявшие рядами парты, квадратный стол, заваленный бумагой для поделок и тюбиками с универсальным клеем Элмера. У дальней стены лежали несколько коротких сочинений, и Майлз искал тетрадку Джоны, когда услышал за спиной голос:

– Простите, я опоздала. Надо было кое-что отнести в кабинет.

Вот так Майлз впервые увидел Сару Эндрюс. В эту минуту по его спине не пробежала дрожь, никакие предчувствия его не одолевали, никаких предзнаменований он не увидел. И, оглядываясь назад, неизменно этому поражался. Однако он навсегда запомнит, как был удивлен тем, что Чарли оказался прав. Она действительно была очень привлекательной. Не шикарной, как с обложки гламурного журнала, но определенно женщиной, заставляющей мужчин поворачивать головы ей вслед. Светлые волосы, уложенные в простую, но элегантную прическу, доходили до плеч. На ней были длинная юбка и желтая блузка, и хотя лицо раскраснелось от жары, голубые глаза, казалось, излучали свежесть, словно она весь день провела на пляже.

– Ничего страшного, – выдавил он наконец, протягивая руку. – Я пришел немного раньше. Я Майлз Райан.

Сара невольно уставилась на его кобуру. Майлз привык к таким опасливым взглядам, но прежде чем успел что-то

сказать, она подняла глаза, улыбнулась и пожала ему руку как ни в чем не бывало.

– Я Сара Эндрюс. Рада, что вы смогли сегодня прийти. Посылая записку, я даже не поинтересовалась, подходит ли вам это время.

– Ничего страшного. Я отпросился у босса.

По-прежнему глядя ему в глаза, она кивнула:

– Чарли Кертис, верно? Я знакома с его женой Брендой. Это она помогла мне освоиться в школе.

– Осторожнее, иначе от ее болтовни у вас уши завянут.

– Я так и поняла, – рассмеялась Сара. – Но она очень хорошая женщина. Новички всегда немного не в своей тарелке, а Бренда сделала все, чтобы я почувствовала себя как дома.

– Она и вправду славная.

Словно исчерпав все возможные темы, оба замолчали, и Майлз сразу ощутил, что учительнице как-то неловко.

Она обошла письменный стол, как бы давая понять, что пора перейти к делу, и принялась перебирать бумаги, просматривая одну за другой и пытаясь найти нужную.

За окном солнце, выглянув из-за тучки, посылало огненные лучи сквозь стекла. Температура в комнате мгновенно стала повышаться, и Майкл снова оттянул рубашку. Сара покачала головой.

– Понимаю, здесь очень жарко. Я хотела принести вентилятор, но еще не успела выбрать в магазине.

– Все в порядке, – заверил он, хотя чувствовал, как капли

пота ползут по груди и спине.

– У нас есть два выхода. Можете подвинуть сюда стул, и мы начнем разговор, хотя скорее всего оба потеряем сознание и скончаемся от духоты, или выйдем наружу, где немного прохладнее. Там в тени есть садовые столики.

– А это удобно?

– Если не возражаете.

– Ничуть. Кроме того, Джона играет на площадке, и неплохо бы за ним последить.

– Вот и прекрасно. Только соберу все необходимое…

Вскоре они уже выходили на улицу.

– Вы давно в городе? – неожиданно спросил Майлз.

– С июня.

– Вам здесь нравится?

– На мой взгляд, слишком тихо, но совсем неплохо.

– Откуда вы приехали?

– Из Балтимора. Я выросла там, но… – Она помолчала. – Мне захотелось перемен.

Майлз понимающе кивнул.

– Могу понять. Иногда мне тоже хочется куда-нибудь перебраться.

В ее глазах светились сочувствие и понимание, и Майлз сразу же сообразил, что она уже слышала о Мисси. Правда, вслух ничего не сказала.

Пока они устраивались за столом, Майлз успел хорошенько ее рассмотреть. Под косыми лучами, пробивавшимися

через листву, ее кожа казалась гладкой, почти прозрачной. Очевидно, у мисс Эндрюс даже в юности не было прыщей.

– Как мне вас называть? Мисс Эндрюс?

– Можно просто Сарой.

– Итак, Сара…

Он осекся, но Сара закончила за него:

– Хотите узнать, почему я просила вас прийти.

– Да, мне это приходило в голову.

Сара уставилась в папку, которую держала в руках.

– Прежде всего позвольте сказать, что мне очень нравится Джона. Чудесный мальчик. Если мне что-то необходимо, он первым вызывается принести или сделать. И дружит с одноклассниками. Очень вежлив и прекрасно излагает мысли.

Майлз настороженно взглянул на нее.

– Почему-то у меня создалось впечатление, что вы подводите меня к дурным новостям.

– Я так предсказуема?

– Ну… что-то в этом роде, – признал Майлз, и Сара смущенно рассмеялась:

– Простите, я хотела дать понять, что все не так уж плохо. Скажите… Джона упоминал о том, что происходит?

– Нет. До сегодняшнего утра. Когда я спросил, почему вы хотите встретиться со мной, он ответил, что у него появились проблемы с каким-то заданием.

– Ясно…

Сара помолчала, словно пытаясь собраться с мыслями.

– Я начинаю нервничать, – с тревогой произнес Майлз. – Надеюсь, вы не считаете, что проблема слишком серьезна?

– Ну… – поколебалась Сара, – неприятно вам это говорить, но думаю, что слишком. Джона не смог справиться не только с этим заданием. Он вообще не способен их выполнять.

– Ни одного? – нахмурился Майлз.

– Джона, – бесстрастно пояснила Сара, – отстает в чтении, письме, правописании и математике. Честно говоря, я считаю, что он недостаточно подготовлен для второго класса.

Майлз тупо уставился на нее, не зная, что сказать.

– Понимаю, вам тяжело слышать такое, – продолжала Сара, – и, поверьте, на вашем месте я испытывала бы то же самое. Поэтому и хотела убедиться сама, прежде чем поговорить с вами. Вот взгляните…

Сара открыла папку и подала Майлзу стопку бумаг. Работы Джоны.

Майлз просмотрел все до единой: два задания по математике – все ответы неверные, пара страниц с заданием по письму (Джона нацарапал несколько неразборчивых каракуль) и три коротких теста по чтению, которые Джона тоже провалил.

– Можете оставить это себе, – сказала Сара. – Они мне больше не нужны.

– Не уверен, что мне они тоже нужны, – растерянно пробормотал Майлз.

Сара чуть склонилась в его сторону.

– А прежние учителя ничего вам не говорили?

– Нет. Никогда.

– Ничего? – повторила Сара.

Майлз отвел глаза. На противоположном конце двора Джона и Марк катались на горке. Он помахал им рукой.

– Мама Джоны умерла незадолго до того, как он начал ходить в детский сад. Я помню, он клал голову на стол и плакал, и все очень за него беспокоились. Но воспитательница ничего не говорила о его работах. Везде написано, что он вполне успевает. В прошлом году было то же самое.

– Вы никогда не проверяли задания, которые он приносил домой из школы?

– А он не приносил никаких заданий. Если не считать всяких поделок.

Теперь, разумеется, это звучало абсурдно, даже на слух самого Майлза. Почему он ничего не замечал раньше?

«Был слишком занят собой и своей жизнью», – подсказал ехидный внутренний голосишко.

– Знаю, вы гадаете, как такое могло случиться, и имеете полное право досадовать. Учителя Джоны были обязаны обучить его. Но не сделали этого. Уверена, они это не со зла. Возможно, все началось потому, что никто не хотел слишком его обременять.

Майлз долго размышлял.

– Класс! Просто здорово! – пробормотал он.

– Послушайте, я позвала вас не только для того, чтобы сообщить дурные вести! Это означало бы, что я не выполняю свой долг. Я хотела посоветоваться, как лучше помочь Джоне. Не хочу, чтобы он оставался на второй год, и уверена, что можно без особых усилий все исправить. Он еще сумеет догнать одноклассников.

Ее слова не сразу дошли до Майлза. Но когда он поднял глаза, Сара кивнула.

– Джона – очень умный мальчик. Он сразу запоминает выученное. Ему нужно немного больше внимания, чем я могу уделить в классе.

– Что вы хотите этим сказать?

– С ним необходимо заниматься дополнительно.

– Нанять преподавателя?

Сара разгладила длинную юбку.

– Неплохая мысль, но он может дорого запросить, особенно если учесть, что Джоне нужно усвоить все с самого начала. Речь не идет о чем-то сложном: пока что мы делаем самые простые вычисления вроде «три плюс два». Что же до чтения… ему просто нужна практика. Поэтому, если у вас нет лишних денег, предлагаю вам самим этим заняться.

– Мне?

– Это совсем не сложно. Можете читать ему вслух, просить, чтобы он читал вам, помогайте с заданиями – все в таком роде. Вряд ли у вас возникнут какие-то трудности с тем, что я задаю.

– Не видели вы моих детских табелей!

Сара улыбнулась.

– Возможно, лучше составить расписание, что-то вроде графика. По моему опыту, это очень помогает в учебе. А Джона больше всего нуждается именно в строгом графике.

Майлз неловко заерзал.

– Все не так просто, как кажется. У меня ненормированный рабочий день. Иногда я возвращаюсь домой в четыре, а часто бывает и так, что прихожу, когда Джона уже в постели.

– Кто же присматривает за ним после школы?

– Миссис Ноулсон. Наша соседка. Очень славная женщина, но не знаю, согласится ли она заниматься с ним каждый день. Ей уже под восемьдесят.

– А родные? Бабушки, дедушки?

Майлз покачал головой.

– Родители Мисси после ее смерти перебрались во Флориду. Моя мать умерла, когда я заканчивал школу, а как только поступил в колледж, отец отправился бродить по свету. Чаще всего я даже не знаю, где он находится. Последние два года мы с Джоной предоставлены самим себе. Не поймите меня превратно: он прекрасный мальчик, это счастье, что у меня такой сын, – но, думаю, было бы легче, если бы родители Мисси остались в городе или мой отец был бы рядом.

– Вот на такие случаи?

– Именно, – кивнул Майлз. И Сара снова рассмеялась. Ему понравился ее смех, невинный, почти детский. Так сме-

ется ребенок, которому еще только предстоит узнать, что жизнь – это не забавы и игры.

– По крайней мере вы восприняли мои слова всерьез, – вздохнула Сара. – Трудно перечислить, сколько раз я вела подобные беседы с родителями, которые либо не хотели верить, либо старались обвинить меня, считая своих детей совершенством.

– И часто такое случается?

– Чаще, чем вы можете представить. Прежде чем послать вам записку, я даже посоветовалась с Брендой, как это лучше сделать.

– И что она сказала?

– Велела не волноваться. Заверила, что вы отнесетесь к этому правильно. Что вы прежде всего беспокоитесь о Джоне. И не воспримете в штыки все, что я вам скажу. И что мне не стоит волноваться. Даже если при вас будет оружие.

– Она не могла так сказать! – ужаснулся Майлз.

– Сказала! Вам следовало бы при этом присутствовать!

– Придется с ней потолковать.

– Не стоит! Ясно, что она вас любит. Она мне сама говорила.

– Бренда всех любит.

В этот момент Джона крикнул Марку, чтобы тот его догонял. Несмотря на жару, мальчишки бегали по площадке, ловко огибая шесты, прежде чем ринуться в другом направлении.

– Сколько же в них энергии! Поверить невозможно, – подивилась Сара. – То же самое они проделывали сегодня на большой перемене.

– Уж поверьте, я знаю. Не припомню, когда испытывал нечто в этом роде.

– О, бросьте, не настолько вы стары. Вам сколько? Сорок – сорок пять?

Майлз снова ужаснулся, но Сара весело подмигнула:

– Шучу.

Майлз с притворным облегчением вытер лоб, втайне удивляясь тому, что искренне наслаждается беседой. По какой-то причине казалось, что Сара почти флиртует, и ему это нравилось больше, чем следовало бы…

– Спасибо…

– Не за что, – ответила она, безуспешно стараясь скрыть довольную усмешку. – Но… о чем это мы?

– О том, что я раньше времени постарел.

– Нет, до этого… Ах да, мы говорили о расписании и о том, что для вас это невозможно.

– Я такого не говорил. Просто это будет нелегко.

– Когда у вас выходные?

– Обычно по средам и пятницам. А что?

Сара, похоже, приняла решение.

– Обычно я этого не делаю, но готова заключить с вами соглашение, – медленно выговорила она. – Если, конечно, вы не против.

– Что за соглашение? – вскинул брови Майлз.

– Я буду заниматься с Джоной остальные дни недели, если вы возьмете на себя занятия по выходным.

Майлз от изумления приоткрыл рот.

– И вы на это пойдете?!

– Далеко не ради всякого ученика. Но, как я сказала, Джона – славный мальчик, и последние два года ему нелегко пришлось. Буду рада помочь.

– Правда?!

– Почему у вас такой потрясенный вид? Многие учителя преданы своему делу. Кроме того, обычно я в школе до четырех часов, так что никаких проблем.

Майлз молчал. Сара с беспокойством смотрела на него.

– Я предлагаю один раз. Так что соглашайтесь или отказывайтесь, – заявила она наконец.

Майлз явно смутился.

– Спасибо, – серьезно ответил он. – Выразить не могу, как я вам благодарен.

– Я очень рада. Но мне нужна одна вещь, чтобы спокойно заниматься в душном классе. Считайте это платой за труды.

– И что это за вещь?

– Вентилятор, и самый лучший. – Она кивнула в сторону школы. – Там жарче, чем в печи.

– Заметано.

Через двадцать минут после того, как они с Майлзом рас-

прощались, Сара вернулась в класс. Собирая вещи, она думала о Джоне и о том, как лучше ему помочь. Хорошо, что предложила позаниматься с мальчиком: так она сумеет оценить его способности и объяснить Майлзу, что нужно делать. Конечно… лишняя работа, но что поделаешь – это необходимо для Джоны. Впрочем, она сама не предполагала, что скажет это.

И до сих пор пыталась понять, что ее побудило так поступить.

Кроме того, она думала о Майлзе. Сара не ожидала, что отец Джоны окажется именно таким. Когда Бренда сказала, что он помощник шерифа, Сара мгновенно представила карикатуру на полицейского-южанина: толстое брюхо, с которого сползают брюки, маленькие темные очки с зеркальными стеклами, рот набит жевательным табаком. Вот он вваливается в класс, сует большие пальцы за пояс брюк и тягучим голосом спрашивает:

– И о чем вы хотели поговорить со мной, маленькая леди?

Но Майлз был совсем не похож на созданный ею образ.

И к тому же оказался очень симпатичным. Не таким, как Майкл – неотразимым брюнетом с безупречными манерами и костюмами, но более естественным. Более земным. Лицо было обветренным и загорелым, словно он с детства много бывал на солнце. Но что бы она там ни говорила, а на сорок он не выглядел. Удивительно!

Впрочем, Джоне только семь, а, как говорили, Мисси Рай-

ан умерла молодой. Наверное, Сара вообразила, что Майлзу много лет, из-за того, что его жена умерла. Невозможно представить, что подобное может случиться с кем-то в возрасте Мисси. Это неправильно! И выпадает из привычного порядка вещей.

Сара, все еще размышляя над этим, в последний раз оглядела комнату, проверяя, не забыла ли чего. Она вынула сумку из нижнего ящика письменного стола, накинула ремешок на плечо, сунула все остальное под мышку и выключила свет.

Подходя к машине она ощутила некоторое разочарование от того, что Майлз уже забрал Джону и уехал. Ругая себя за дурацкие мысли, Сара напомнила себе, что вдовец вроде Майлза вряд ли проявит интерес к учительнице его маленького сына.

Сара Эндрюс понятия не имела, как ошибалась…

Глава 4

В тусклом свете лампочки на письменном столе газетные вырезки выглядят древнее, чем на самом деле. Пожелтевшие и помятые, они кажутся странно тяжелыми, словно обременены весом моей тогдашней жизни. Жизни, в которой есть несколько истин. И вот одна из них: если кто-то трагически погибает молодым, это всегда возбуждает интерес, особенно в маленьком городе, где все друг друга знают.

Когда Мисси Райан погибла, все местные газеты вышли с некрологами. Охи и ахи на кухнях раздавались по всему городу, когда жители разворачивали утренние газеты. Помимо некролога на странице были помещены три фотографии: одна с места аварии, и две другие – портреты красавицы Мисси Райан, какой она была при жизни. В следующие дни появлялись более подробные статьи, особенно по мере того как становились ясны детали трагедии. Но вначале все были уверены, что преступление скоро раскроют.

Через месяц после случившегося на первой странице появилась другая статья, в которой предлагалась награда за любую информацию, ведущую к раскрытию этого дела. И тогда уверенность постепенно стала слабеть. А вместе с ней и интерес. Люди больше не обсуждали смерть Мисси целыми днями, да и имя ее упоминалось реже. Потом была еще одна статья, на этот раз на третьей странице: краткое изложе-

ние предыдущих, дополненное просьбой предоставить хоть какую-то известную информацию. После этого – молчание.

Во всех статьях сначала излагались известные детали и факты: теплым летним вечером 1986 года Мисси Райан, жена помощника шерифа и мать его сына, решила пробежаться, хотя уже темнело. Двое свидетелей видели, как она бежала по Мэдем-Мурз-лейн. Обоих позже допросил дорожный патруль. Остальная часть касалась событий той ночи. Однако никто не упоминал о том, как Майлз провел последние несколько часов, прежде чем узнал о происшедшем.

Уверен, что эти часы Майлз запомнит навсегда. Последние часы нормальной привычной жизни. Он сдул траву с дорожек, как просила Мисси. Вошел в дом, прибрал на кухне, поиграл с Джоной. И наконец, уложил его спать. Скорее всего через несколько минут после того, как Мисси должна была вернуться, он стал выглядывать на улицу. Сначала он подумал, что Мисси забежала к кому-то из соседей, и, возможно, ругал себя за излишние волнения.

Минуты сложились в час, потом – в другой, но Мисси не возвращалась. К этому времени Майлз уже не находил себе места. Настолько, что позвонил Чарли. Попросил проверить обычный маршрут, по которому бегала Мисси, поскольку сам не мог уйти из дома, оставив спящего ребенка одного. Чарли охотно согласился.

Еще час спустя, в продолжение которого Майлз обзванивал знакомых, в дверь постучал Чарли. С ним пришла его

жена Бренда, вызвавшаяся присмотреть за Джоной. Глаза ее были красными.

– Тебе надо поехать со мной, – тихо сказал Чарли. – Случилась беда.

Уверен, Майлз сразу понял, в чем дело: ему достаточно было взглянуть в лицо друга. Остаток ночи слился в кошмарный бред.

Ни Майлз, ни Чарли не знали того, что позже выявило расследование: свидетелей наезда, унесшего жизнь Мисси, не оказалось. Водитель, умчавшийся с места происшествия, тоже не спешил прийти с повинной. Следующий месяц патруль допрашивал всех, кто жил в округе. Следственная бригада искала хоть какое-то доказательство, какую-то улику, которая бы привела к преступнику. Обыскивали все кусты, обходили местные бары и рестораны в попытке узнать, не сел ли кто в тот вечер пьяным за руль. Дело все больше разбухало. С каждым днем прибавлялось все больше бумаг, но расследование вскоре зашло в тупик. Майлз узнал немногим больше того, чем в ту минуту, когда открыл дверь и увидел стоявшего на крыльце Чарли.

Майлз Райан стал вдовцом в тридцать лет.

Глава 5

Стоило сесть в машину, как в голове вновь начали тесниться обрывки воспоминаний о том дне, когда погибла Мисси. Совсем как раньше, когда он ехал по Мэдем-Мурз-лейн на ленч с Чарли. Но вместо того чтобы бесконечно вертеться по замкнутому кругу, от рыбалки до ссоры с Мисси и всего того, что за этим последовало, они были вытеснены мыслями о Джоне и Саре Эндрюс.

Майлз настолько ушел в себя, что не замечал сидевшего рядом сына. И чем дольше молчал отец, тем сильнее нервничал Джона, воображая все возможные наказания, которые его ждут. Бедняга расстегивал и застегивал рюкзачок, пока Майлз наконец не очнулся и не положил руку на макушку сына, чтобы его успокоить. К сожалению, он по-прежнему не произносил ни слова, и Джона, набравшись храбрости, дернул отца за руку. В глазах его стояли слезы.

– У меня неприятности, па?

– Нет.

– Ты очень долго говорил с мисс Эндрюс.

– Нам нужно было многое обсудить.

Джона жалобно шмыгнул носом:

– Это о школе?

Майлз кивнул. Джона снова посмотрел в сторону рюкзака, не зная, чем занять руки. В животе противно засосало.

– Похоже, я влип, – пробормотал он.

Через несколько минут, сидя на скамейке перед кафе «Дэри куин», Джона приканчивал рожок с мороженым. Отец обнимал его за плечи. После разговора с ним Джона понял, что все далеко не так плохо, как ему казалось. Отец не кричал на него, не грозил и, более того, совсем не сердился. Просто расспрашивал Джону о прежних учителях и о том, что те заставляли или не заставляли его делать. Джона честно объяснил, что, когда отстал, постеснялся попросить о помощи. Они обсудили учебу, которая у Джоны не ладилась, и мальчик обещал постараться и нагнать одноклассников. Майлз также сказал, что он поможет Джоне. И если все будет хорошо, волноваться не о чем. После чего Джона понял, что ему крупно повезло.

Но оказалось, это еще не все.

– Видишь ли, ты так отстал, – спокойно продолжал Майлз, – что несколько дней в неделю придется оставаться в школе, чтобы мисс Эндрюс смогла тебе помочь.

Джона даже не сразу понял, о чем идет речь.

– После школы? – жалобно переспросил он.

Майлз кивнул.

– Она сказала, что так ты быстрее нагонишь.

– Но ведь ты обещал сам со мной позаниматься.

– Да, но не каждый день. Только в свои выходные. Я же работаю. Так что мисс Эндрюс вызвалась помочь.

– Почему после школы? – расстроился мальчик.

– Три дня в неделю.

– Но… па… – Джона бросил недоеденный рожок в урну. – Я не хочу оставаться после уроков!

– А я не спрашиваю, хочешь ты или нет. И, кроме того, мог бы предупредить, что у тебя неладно в школе. В этом случае всех неприятностей можно было бы избежать.

– Но, па… – нахмурился Джона.

– Слушай, я понимаю: ты предпочел бы заняться миллионом других дел. Но пока что придется учить уроки. У тебя нет выхода. И, подумай, все могло быть гораздо хуже.

– Это ка-а-а-ак? – почти пропел Джона, как всегда, когда не хотел верить сказанному Майлзом.

– А если бы учительница захотела работать с тобой и по выходным? Тогда тебе не удалось бы даже в футбол поиграть!

Джона склонился вперед и подпер ладонью подбородок.

– Ладно, – мрачно вздохнул он наконец. – Я согласен.

– Вот и хорошо, чемпион, – улыбнулся Майлз.

Ночью он нагнулся над кроваткой сына и повыше подтянул одеяло. Джона уже засыпал, и Майлз, погладив мальчика по голове, поцеловал его в щеку.

– Уже поздно. Спи.

Джона выглядел таким маленьким, таким трогательным… Майлз убедился, что ночник включен, и потянулся к лампе

у кровати. Джона с усилием открыл глаза.

– Па!

– Что?

– Спасибо за то, что не слишком разозлился на меня сегодня.

– Всегда пожалуйста, – хмыкнул Майлз.

– И… па!

– Ну что на этот раз?

Джона вытер нос рукавом. Рядом с подушкой лежал медведь, подаренный Мисси сыну, когда тому исполнилось три года. Ложась спать, мальчик до сих пор брал игрушку с собой.

– Я рад, что мисс Эндрюс хочет мне помочь.

– Точно? – удивился Майлз.

– Она хорошая.

Майлз выключил свет:

– Мне тоже так показалось. А теперь постарайся заснуть, ладно?

– Угу. И, па…

– Что?

– Я тебя люблю.

Горло Майлза перехватило невидимым обручем.

– Я тоже тебя люблю, чемпион.

Часа в четыре утра кошмары Джоны вернулись с новой силой.

Тонкий пронзительный вопль человека, летящего в пропасть с обрыва, заставил Майлза вскочить. С трудом очнувшись ото сна, он выскочил из спальни, споткнулся о валявшуюся игрушку и, пытаясь прийти в себя, подхватил на руки спящего мальчика. Он шептал ему милые, глупые слова, унося на заднее крыльцо. Только здесь Джона сможет успокоиться.

Уже через несколько секунд плач сменился хныканьем, и Майлзу оставалось благодарить Бога за то, что дом стоял на целом акре земли и что ближайшая соседка, миссис Ноулсон, немного глуховата. Он укачивал Джону, продолжая шептать ему на ухо и глубоко вдыхая влажный теплый воздух. Лунный свет проложил желтую дорожку на медленно текущей воде. Низко склоненные ветви дубов и белые стволы кипарисов по берегам реки создавали картину вечной, нетленной красоты. Длинные пряди испанского мха только усиливали ощущение того, что мир за последнюю тысячу лет ничуть не изменился.

К тому времени как дыхание Джоны снова стало ровным, было уже почти пять, и Майлз знал, что заснуть больше не удастся.

Уложив Джону в кровать, он вышел на кухню и сварил себе кофе. Уселся за стол, растирая лицо и руки, чтобы немного прийти в себя. За окном горизонт уже светился расплавленным серебром, и первый робкий свет крался среди деревьев.

Майлз снова вспомнил о Саре Эндрюс.

Его тянуло к ней. Это совершенно точно. Он уже целую вечность не реагировал на женщину так сильно. Конечно, его влекло к Мисси, но это было пятнадцать лет назад. Целую жизнь назад… Нет, нельзя сказать, что его не влекло к Мисси в последние годы семейной жизни, потому что это неправда. Просто влечение каким-то образом стало другим. Прежняя отчаянная влюбленность, жадное желание узнать о ней все, сменилось чем-то более глубоким и более зрелым. От Мисси нельзя было ждать сюрпризов. Он знал, как она выглядит по утрам, только встав с постели, видел, как осунулось от усталости ее лицо после родов. Знал все: ее чувства, страхи, что она любит, а что – нет. Но это влечение к Саре казалось… новым, и сам он словно родился заново, если такое возможно. До сих пор он не сознавал, как ему не хватает подобных ощущений.

Но что будет дальше? Он совсем не был уверен в будущем. Не мог предсказать, произойдет ли что-то между ним и Сарой. Он ничего о ней не знал. А вдруг они вообще несовместимы по характеру? На начальном этапе любая деталь может все испортить, и это Майлз прекрасно понимал.

И все же его тянуло к ней…

Майлз покачал головой, стараясь отогнать подобные мысли. Совершенно нет причин зацикливаться на них, если не считать, что он вдруг захотел начать все сначала. Снова кого-то найти. Не хочет он до конца жизни быть одиноким

вдовцом. Некоторые люди на это способны: он сам знал таких, кто, потеряв мужа или жену, не желал больше ни с кем связывать свою судьбу, – но он так не может. И никогда не мог. Женившись на Мисси, он ни разу не почувствовал себя обделенным: никогда не смотрел с завистью на друзей-холостяков, никогда не жалел, что не может вести такую же жизнь – ходить на свидания, флиртовать, влюбляться и забывать очередную, еще вчера единственную, любовь. Все это не по нему. Ему нравилось быть мужем, нравилось быть отцом, нравились постоянство и стабильность, которые приходят с браком, и он хотел иметь все это снова.

Но, возможно, ничего не получится…

Майлз вздохнул и снова выглянул в окно.

Небо по-прежнему черное, но горизонт продолжает наливаться светом.

Он поднялся из-за стола, вышел в коридор и заглянул в комнату Джоны. Тот мирно спал. Майлз направился к себе. В полутьме поблескивали рамки фотографий, расставленных на комоде и тумбочке. Хотя различить детали он не мог, но знал, что изображено на каждом: Мисси, сидящая на заднем крыльце с букетом полевых цветов; широко улыбающиеся Мисси и Джона крупным планом; Мисси и Майлз, идущие по церковному проходу…

Майлз уселся на кровать. Рядом со снимком лежала картонная папка с собранной им в свободное время информацией. Шерифы не имели права расследовать дорожные ава-

рии, да если бы и имели, ему все равно не позволили бы этим заняться. Но он шел по следам дорожного патруля. Допрашивал тех же людей. Задавал те же вопросы. И просеивал все собранные сведения. Зная, что ему пришлось вынести, люди не отказывались помочь. Но в конце концов оказалось, что он узнал не многим больше, чем следственная бригада. И теперь папка лежала на полке, словно подначивая Майлза еще раз попытаться найти того, кто вел в ту ночь машину.

Но как бы Майлз ни старался, это оказалось невозможным. Ему так и не удалось наказать человека, разрушившего его жизнь. А он только об этом и мечтал. Хотел, чтобы негодяй дорого заплатил за содеянное: таков его долг как мужа и человека, поклявшегося быть слугой закона. Как там сказано в Библии? Око за око…

И теперь, как обычно по утрам, Майлз смотрел на папку, не пытаясь ее открыть. Только представлял того, кто это сделал. И задавал себе все тот же вопрос. Каковы были его мотивы?

Если это просто несчастный случай, зачем бежать?

Единственная причина, которая приходила ему в голову, – сидевший за рулем был пьян. Возвращался домой с вечеринки или привык много пить по уик-эндам. Возможно, лет ему от тридцати до сорока. Доказательств у Майлза не было, но почему-то так представлялось. Он будто видел, как автомобиль вихляет по дороге из стороны в сторону, как водитель все прибавляет скорость и дергает руль. Может, потянулся

за очередной банкой пива, стоявшей между ног, и заметил Мисси только в последнюю секунду. А может, и вообще не успел. Может, ощутил толчок, почувствовал, как ударилось о машину тело. Но и тогда водитель не запаниковал. На шоссе не нашлось тормозного пути. Хотя водитель остановил машину, чтобы посмотреть, что произошло. Все доказательства, так и не появившиеся в местных газетах, были налицо.

Но какая разница?

Никто ничего не видел. На дороге не было других машин, ни на одном крыльце не горел свет, никто не прогуливал в это время пса, не выключал разбрызгиватели. Даже если водитель был пьян, он все равно понял, что Мисси мертва и что ему будет предъявлено обвинение в убийстве по неосторожности, а может, и в убийстве с отягчающими вину обстоятельствами, если будет доказано, что у него и прежде были правонарушения. Суд. Тюрьма. Жизнь за решеткой. Эти и еще более пугающие мысли, должно быть, метались в голове, побуждая его поскорее уехать, пока никто ничего не видел. И он уехал, даже не потрудившись осознать, сколько горя принес ни в чем не повинным людям.

Либо предположения Майлза верны, либо кто-то специально сбил Мисси.

Какой-то социопат, убивающий ради собственного удовольствия. Он слышал о подобных людях.

Или Мисси убили, чтобы отомстить ему, Майлзу Райану?

Он шериф. У него много врагов. Он брал под арест пре-

ступников и свидетельствовал против них. Благодаря его стараниям десятки людей сидят по тюрьмам.

Один из них!

Список был бесконечен. Параноидальный бред.

Майлз вздохнул, открыл папку, стал перебирать бумаги и постепенно вновь погрузился в перипетии расследования.

Одна деталь не вписывалась в общую картину, и за эти годы Майлз наставил рядом несколько вопросительных знаков. Он узнал об этой детали, когда оказался на месте происшествия.

Странно, но водитель, сбивший Мисси, накрыл ее тело одеялом.

Этот факт тоже не попал в газеты.

Одно время еще были надежды на то, что одеяло каким-то образом может привести к его владельцу. Но ничего не вышло. Такие одеяла обычно лежат в аварийных комплектах, продающихся во всех магазинах автомобильных принадлежностей по всей стране. И невозможно понять, где он куплен.

Но… почему?

Этот вопрос продолжал терзать Майлза.

Зачем прикрывать тело, а потом бежать? Непонятно. Когда он поговорил об этом с Чарли, тот ответил фразой, преследующей Майлза по сей день:

– Похоже, водитель хотел извиниться.

Или сбить их со следа?

Майлз не знал, чему верить.

Но он найдет водителя, каким бы невероятным это ни казалось, потому что не сдастся. Никогда не сдастся.

Тогда, и только тогда, он начнет новую жизнь.

Глава 6

Вечером в пятницу, через три дня после встречи с Майлзом Райаном, Сара Эндрюс сидела одна в гостиной, вертя в руке второй стакан вина. Настроение было хуже некуда. И хотя она знала, что вино ничем не поможет, тем не менее собиралась налить себе третий стакан. Она никогда не любила пить… просто день такой выдался.

Сейчас ей просто хотелось уйти от действительности.

Странно. Началось все совсем неплохо. Утром она прекрасно себя чувствовала, и даже после завтрака, но потом все стремительно пошло под откос. Накануне ночью нагреватель для воды испортился, и пришлось перед уходом в школу принять холодный душ. В школе оказалось, что четверо учеников подхватили простуду и весь день чихали и кашляли в ее сторону. Остальные тут же стали им подражать, и ей не удалось сделать и половины запланированного. После уроков она задержалась, чтобы доделать кое-какую работу, а когда вышла, чтобы ехать домой, обнаружила, что шина спустила. Пришлось вызывать машину «Автоклуба», оказывавшего своим членам техпомощь, и ждать почти час, пока они приедут. К тому времени, когда она добралась до дома, окрестные улицы были огорожены веревками: в этот уикэнд должен был состояться Праздник цветов, и ей пришлось припарковаться в трех кварталах. Не успела она подняться

к себе, как из Балтимора позвонила знакомая, сообщившая, что в декабре Майкл снова женится.

Вот тут-то Сара и открыла бутылку вина.

Теперь, немного опьянев, она уже жалела, что техпомощь задержалась всего на час. Приди она домой позже, не услышала бы звонка и ничего не узнала бы. Сара не была близкой подругой этой женщины, просто они иногда общались, а та дружила с семьей Майкла. Непонятно, почему она взяла на себя труд рассказать Саре о предстоящей свадьбе. И хотя в ее словах была подобающая случаю смесь сочувствия и изумления, Сара невольно заподозрила, что как только сплетница положила трубку, то сразу же перезвонила Майклу, чтобы поведать о реакции собеседницы. Слава Богу, сдержанность ей не изменила!

Но это было два стакана вина назад, и все оказалось не так легко. Она не хотела ничего слышать о Майкле. Они разведены, разделены законом и собственным выбором. И в отличие от многих разведенных пар не разговаривали с той минуты, когда вышли из адвокатского офиса. В тот момент она радовалась, что избавилась от него, и молча подписала все бумаги. Боль и гнев сменились чем-то вроде апатии, возникшей из-за мучительного осознания того, что она совсем не знала мужа. После этого ни он, ни она не звонили и не писали друг другу. Сара больше не общалась с его родными и друзьями, Майкл не проявлял интереса к ее окружению. Словно они вообще никогда не были женаты. По крайней мере именно

это она и твердила себе.

Теперь он снова женится.

Это не должно было ее волновать. Какая, в конце концов, разница? Неприятнее всего, что ее расстроило сообщение о его женитьбе, а не сам факт женитьбы. Она точно знала, что Майкл снова женится. Он сам ей сказал.

Впервые в жизни она действительно кого-то ненавидела.

Но истинная ненависть, та, от которой все переворачивается в желудке, невозможна без эмоциональной связи. Сара бы и вполовину не ненавидела Майкла так, как сейчас, если бы прежде не любила его. Возможно, она наивно воображала, что они проживут жизнь вместе. Они же дали обеты в церкви. Обещали вечно любить друг друга. В семье Сары до сих пор никогда не случалось разводов. Ее родители были женаты почти тридцать пять лет. Бабушки и дедушки – почти шестьдесят. Даже когда в молодой семье возникли проблемы, Сара верила, что они с Майклом последуют по стопам старших. Но когда он предпочел встать на сторону своей семьи, она почувствовала себя совершенно уничтоженной.

Но Сара не расстраивалась бы сейчас так сильно, если бы действительно забыла его…

Сара допила стакан и поднялась, не желая мириться с этим фактом. Отказываясь верить.

Она забыла Майкла. Если бы он приполз на коленях, моля о прощении, она не приняла бы его. Никакие слова, никакие уговоры не заставили бы ее снова его полюбить. Он может

жениться на ком хочет, черт побери. Ей все равно.

Выйдя на кухню, она налила себе третий стакан вина.

Майкл снова женится…

Слезы невольно выступили на глазах Сары. Она не желала больше плакать, но прежние мечты умирают трудно. Она поставила стакан, стараясь взять себя в руки, но сделала это так неловко, что стакан упал в раковину и разбился. Сара бросилась собирать осколки, поранила палец и тупо уставилась на струйку крови. Достойное завершение ужасного дня…

Она резко выдохнула и прижала тыльную сторону ладони к глазам, уговаривая себя не плакать.

– Уверена, что все в порядке?

Народу было столько, что Сара с трудом разобрала слова матери, словно та стояла на другом конце улицы.

– В третий раз повторяю, мама: все прекрасно.

Морин осторожно отвела от лица дочери прядь волос.

– Просто выглядишь какой-то бледной, словно заболеваешь.

– Немного устала, только и всего. Работала допоздна.

Хотя ей не нравилось лгать матери, все же не стоит рассказывать о вчерашней бутылке вина. Мать вообще не понимала, почему люди, особенно женщины, пьют. Если бы Сара объяснила, что к тому же пила в одиночестве, мать разволновалась бы и засыпала ее вопросами, на которые у Сары не было настроения отвечать.

Суббота выдалась погожей, и в центре города яблоку негде было упасть – Праздник цветов был в полном разгаре, и Морин хотела провести день, бродя между лотками и антикварными лавками на Мидл-стрит. Поскольку Ларри жаждал смотреть футбольный матч между командами штатов Северная Каролина и Мичиган, Сара предложила составить матери компанию. В конце концов, нужно же немного отвлечься.

И она действительно отвлеклась бы, если бы не разрывавшая виски боль, которую не мог унять даже аспирин. Пока они разговаривали, Сара изучала старую, но хорошо отреставрированную раму для картины. Правда, не настолько хорошо, чтобы оправдать непомерную цену.

– В пятницу? – уточнила мать.

– Я все откладывала на конец недели, поэтому накопилась куча работы.

Мать наклонилась ближе, делая вид, что восхищается рамой.

– Ты всю ночь была дома?

– Конечно. А что?

– Я несколько раз звонила, но ты не брала трубку.

– Я его отключила.

– А я думала, ты с кем-то проводишь время.

– С кем?!

Морин пожала плечами:

– Не знаю. С кем-нибудь.

Сара посмотрела на мать поверх темных очков.

– Мама, давай не будем снова начинать.

– Я ничего не начинаю, – сразу стала оправдываться мать и, понизив голос, продолжила: – Просто решила, что у тебя свидание. Раньше ты часто встречалась с молодыми людьми…

Мало того что Морин просто истекала сочувствием, так еще гениально играла роль терзаемой сознанием собственной вины родительницы. Было время, когда Сара в этом нуждалась: немного жалости еще никому не помешало, – но сейчас не тот случай.

Нахмурившись, она положила раму на место. Владелица, пожилая женщина, сидевшая под большим зонтиком, вскинула брови, явно наслаждаясь этой сценой. Сара нахмурилась еще сильнее и отошла. Морин последовала за ней.

– В чем дело? – спросила она таким тоном, что Сара остановилась и круто развернулась.

– Ни в чем. Просто я не в настроении слышать, как сильно ты обо мне беспокоишься. Иногда это надоедает.

Морин приоткрыла рот, но не произнесла ни слова. При виде обиженного лица матери Сара пожалела о резких словах, но что теперь поделать?

– Послушай, мама, прости. Мне не стоило на тебе срываться.

Морин крепко сжала руку дочери.

– Что происходит, Сара? Хоть на этот раз скажи правду. Я слишком хорошо тебя знаю. Что-то случилось, да?

Сара отвела взгляд. Хорошо, что окружающие заняты собственными делами. Собственными разговорами.

– Майкл снова женится, – тихо сказала она.

Убедившись, что расслышала правильно, Морин медленно, но крепко обняла дочь.

– О, Сара… мне так жаль… – прошептала она.

Да и что еще она могла сказать?

Вскоре они уже сидели на парковой скамье с видом на прибрежную полосу, подальше от улицы, где все еще веселились люди. Они ушли не сговариваясь. Просто гуляли, пока не устали, а потом нашли, где посидеть.

И долго-долго говорили – вернее, говорила Сара. Морин в основном слушала, не в силах скрыть тревогу. Глаза ее то и дело наполнялись слезами. Она непрерывно стискивала руку дочери.

– О, это сущий кошмар, – повторила она уже в сотый раз. – Какой ужасный день.

– Я тоже так решила.

– Ну… тебе будет легче, если я посоветую найти во всем этом и светлую сторону?

– Здесь нет светлой стороны, мама.

– Ошибаешься.

Сара скептически покачала головой:

– Какая именно?

– Ну например, ты можешь быть уверена, что после сва-

дьбы они здесь не поселятся. Иначе твой отец сделает все, чтобы их вымазали дегтем и вываляли в перьях.

Несмотря на дурное настроение, Сара рассмеялась:

– Спасибо огромное! Если я когда-нибудь снова с Майклом увижусь, обязательно дам знать.

– Надеюсь ты не собираешься с ним встречаться? – всполошилась Морин.

– Нет. Только если не будет иного выхода.

– Вот и хорошо. Не стоит общаться с ним после всего, что он с тобой сотворил.

Сара просто кивнула и откинулась на спинку скамьи.

– Брайан не давал о себе знать? – спросила она, меняя тему. – Сколько бы я ни звонила, его никогда нет дома.

– Я говорила с ним дня два назад, но знаешь, как это бывает: молодым некогда поговорить с родителями. Он вечно старается поскорее распрощаться, – тут же подхватила Морин.

– У него появились друзья?

– Уверена, что да.

Сара смотрела на воду и думала о брате. Но спросила о другом.

– Как папа?

– Все так же. В начале недели прошел медосмотр, и вроде бы все в порядке. Он уже не так устает, как раньше.

– Все еще занимается в тренажерном зале?

– Меньше обычного, но обещает, что серьезно об этом по-

думает.

– Передай ему, что это необходимо.

– Обязательно. Ты же знаешь, как он упрям. Будет лучше, если скажешь ты. Иначе он заявит, что я его донимаю.

– А ты донимаешь?

– Конечно, нет, – поспешно заверила мать. – Я всего лишь за него волнуюсь.

Большая яхта медленно плыла к реке Ньюс, и они молча залюбовались прекрасным зрелищем. Через минуту мост разведут, чтобы пропустить яхту, и движение на обоих берегах застопорится. Сара уже усвоила, что, если куда-то опаздываешь, всегда можно сослаться на то, что тебя «задержали на мосту». Все, от докторов до судей, безоговорочно примут объяснение просто потому, что сами им пользуются.

– Как хорошо снова слышать твой смех, – пробормотала Морин.

Сара искоса глянула на нее.

– К чему такой удивленный вид? Ты давно не смеялась. Очень давно, – пояснила Морин, осторожно коснувшись колена дочери. – Не позволяй больше Майклу ранить тебя. Ты начала новую жизнь, оставив прошлое позади. Помни это.

Дочь почти неуловимо кивнула, и Морин продолжила монолог, практически заученный Сарой наизусть.

– И продолжай идти дальше. Когда-нибудь ты найдешь человека, который будет любить тебя, как ты того…

– Ма-а-а-а… – перебила Сара, покачивая головой. Все их

разговоры последнее время сводились именно к этому.

Мать, как ни странно, прикусила язык и снова потянулась к руке Сары. Хотя та сначала отстранилась, но мать не отставала, пока Сара не сдалась.

– Ничего не поделаешь. Хочу, чтобы ты была счастлива, – вздохнула Морин. – Неужели не понятно?

Сара растянула губы в улыбке в надежде успокоить мать.

– Да, мама, понимаю.

Глава 7

С понедельника Джоне пришлось привыкать к рутине, которой в ближайшие несколько месяцев предстояло занимать большую часть его времени. Когда звонил звонок, официально возвещая о конце учебного дня, Джона выходил вместе с приятелями, но рюкзак оставлял в классе. Сара, как все остальные учителя, провожала детей до автобусов и машин, а потом шла туда, где уже ждал Джона, с завистью смотревший вслед уезжавшим друзьям.

– Бьюсь об заклад, тебе совсем не хочется оставаться. Верно?

Джона кивнул.

– Все будет не так уж плохо, вот увидишь. Я принесла из дома печенье, чтобы ты не сильно расстраивался.

Джона обдумал сказанное.

– Какое еще печенье? – скептически спросил он.

– Шоколадное, с кремовой прослойкой. Мама всегда давала мне его, когда я возвращалась из школы. Говорила, что это награда за хорошую работу.

– Миссис Ноулсон дает мне яблочные дольки.

– Хочешь, я принесу их завтра?

– Ни за что, – серьезно ответил мальчик. – Печенье гораздо лучше.

– Пойдем, – позвала Сара, показывая в сторону школы. –

Готов начинать?

– Наверное, – промямлил он.

Сара протянула ему руку.

– Погодите… а у вас есть молоко?

– Если хочешь, возьму в кафетерии.

Джона согласно кивнул, взял ее за руку и улыбнулся.

В то время как Сара с Джоной, взявшись за руки, дружно направились в класс, Майлз Райан нырнул за машину и выхватил пистолет, прежде чем замерло эхо последнего выстрела. Придется сидеть в укрытии, пока не выяснится, что происходит.

Пара выстрелов заставит шевелиться даже инвалида: инстинкт самосохранения всегда подстегивает расторопность и скорость. Адреналин бушевал в крови, словно в вену воткнули иглу гигантской невидимой капельницы. Майлз ощущал, как колотится сердце. Ладони мгновенно вспотели.

Если понадобится, он сообщит, что попал в беду, и через несколько минут это место будет окружено полицейскими силами округа. Но пока Майлз выжидал. Ведь стреляли явно не в него. И выстрелы были приглушенными, словно раздавались где-то в глубине дома.

Если бы он находился рядом с чьим-то жилищем, непременно позвонил бы и спросил, в чем проблемы. Но он стоял на окраине Нью-Берна у Грегори-плейс, шаткого деревянного строения, заросшего кудзу. Оно уже много лет было за-

брошено и мирно догнивало. Сюда почти никто не заглядывал. Полы обветшали и грозили провалиться, в крыше зияли дыры, а само сооружение слегка покачивалось – сильный порыв ветра вполне мог его повалить. Хотя в Нью-Берне не было особых проблем с бродягами, но даже те, что появлялись в этих местах, знали, как опасно заглядывать в эту хибару.

Но теперь, подумать только, средь бела дня, Майлз снова услышал стрельбу: калибр оружия небольшой, скорее всего двадцать второй. Майлз заподозрил, что объяснение этому самое простое и не представляет для него угрозы.

Но все же не так он глуп, чтобы рисковать!

Открыв дверцу машины, Майлз скользнул на сиденье и повернул переключатель рации, чтобы голос был слышен в доме.

– Это шериф, – не торопясь, спокойно начал он. – Немедленно выходите, чтобы я мог с вами поговорить. И буду благодарен, если положите оружие на землю.

Выстрелы сразу прекратились. Через несколько минут из окна высунулась чья-то голова. Майлз навскидку определил, что мальчишке не больше двенадцати лет.

– Вы нас не застрелите? – испуганно окликнул парень.

– Нет, стрелять я не буду. Положите пистолеты у двери и спускайтесь.

Стало очень тихо. Вероятно, мальчишки прикидывали, что лучше: сдаться или попытаться бежать. Они неплохие… просто немного диковаты для современного мира. И скорее

предпочтут смыться, пока Майлз не решил отвести их к родителям.

– Выходите, – повторил Майлз в микрофон. – Я хочу просто поговорить.

Еще через минуту двое мальчишек – второй на пару лет младше первого – выглянули из дверного проема, в котором давно не было двери. Двигаясь преувеличенно медленно, они положили ружья на землю и вышли во двор с поднятыми руками. Майлз сдержал улыбку. Трясущиеся и бледные, ребята выглядели так, словно были уверены, что в любой момент могут стать мишенями. Как только они спустились по сломанным ступенькам крыльца, он вышел из машины и сунул пистолет в кобуру. Завидев его, мальчики замялись, но все так же медленно двинулись вперед. Оба были одеты в выцветшие голубые джинсы и рваные тапочки. Руки и лица были перепачканы до невозможности. Сельские ребятишки…

Оба продолжали держать руки над головой. Должно быть, боевиков насмотрелись!

Когда они подошли поближе, Майлз увидел, что «нарушители» готовы разреветься.

Прислонившись к машине, он скрестил руки на груди.

– Решили поохотиться?

Младший, лет десяти, переглянулся с тем, что постарше. Они очень похожи. Должно быть, братья.

– Да, сэр, – хором ответили они.

– Что за дичь в доме?

Ребята снова переглянулись.

– Воробьи, – промямлил младший.

Майлз кивнул:

– Можете опустить руки.

Они опять обменялись взглядами, прежде чем выполнить приказ.

– Уверены, что не убивали сов?

– Уверены, сэр, – поспешно ответил старший. – Там целая куча воробьев.

– Воробьи, значит?

– Да, сэр.

– А это? Двадцать второй калибр?

– Да, сэр.

– Великоват для воробьев, не находите?

На этот раз взгляды были виноватыми. Майлз строго нахмурился.

– Послушайте, если вы охотились на сов… мне это не нравится. Я люблю сов. Они едят крыс, мышей и даже змей, и я предпочел бы иметь во дворе сову, а не этих тварей. Но, судя по беспорядочной стрельбе, вы так ее и не подстрелили, верно?

После долгой паузы младший покачал головой.

– И больше не начинайте, договорились? – спросил Майлз непререкаемым тоном. – Здесь стрелять небезопасно, потому что шоссе слишком близко. И, кроме того, это проти-

возаконно. Это место вообще не для детей. Лачуга вот-вот рухнет, и вы можете пострадать. Надеюсь, вы не хотите, чтобы я поговорил с вашими родителями?

– Нет, сэр.

– В таком случае больше не смейте гоняться за этой совой, ясно? Тогда я вас, может, и отпущу.

– Да, сэр.

Майлз молча уставился на обоих, давая понять, что поверил, и кивнул в направлении близлежащих домов.

– Вы живете там?

– Да сэр.

– Пришли пешком или приехали на велосипедах?

– Пешком.

– Теперь слушайте внимательно. Я возьму ваши ружья, а вы сядете на заднее сиденье. Я подвезу вас и высажу на вашей улице. На сей раз это сойдет вам с рук, но если еще раз застану вас здесь – обязательно расскажу родителям, что уже ловил обоих и предупреждал, и уж тогда отведу в полицию. И составлю протокол. Договорились?

Глаза мальчишек мгновенно наполнились страхом, и оба благодарно закивали.

Майлз отвез ребят и вернулся к школе, чтобы встретить Джону. Сын, конечно, захочет узнать, как все было, но Майлз сначала намеревался узнать, как прошел его день.

А сам невольно испытывал нечто вроде приятного предвкушения при мысли о новой встрече с Сарой Эндрюс.

– Папа! – завопил Джона, рванувшись навстречу Майлзу. Тот едва успел нагнуться, чтобы поймать сына. Краем глаза он заметил, что вслед за Джоной вышла и Сара, правда, куда более чинно. Джона отстранился, чтобы взглянуть на отца.

– Ты кого-нибудь сегодня арестовал?

Майлз расплылся в улыбке и покачал головой:

– Пока что нет, но день еще не кончился. Как дела в школе?

– Хорошо. Мисс Эндрюс угостила меня печеньем.

– Правда? – переспросил Майлз, стараясь не слишком пристально смотреть на Сару.

– Очень вкусное – шоколадное с двойной прослойкой.

– Лучше не бывает, – понимающе хмыкнул Майлз. – А как занятия с мисс Эндрюс?

– Класс! Мы играли в игры!

– В игры?

– Я позже объясню, – вмешалась Сара, – но начало у нас неплохое.

При звуках ее голоса Майлз снова ощутил приятное удивление. На ней снова были длинная юбка и блузка, ничего особенно модного, но, видя ее улыбку, Майлз снова и снова чувствовал, как странно трепещет сердце. Совсем как при первой встрече. Он вдруг понял, что в тот раз не заметил, как она красива. Да, он сразу нашел ее привлекательной, но только теперь по достоинству оценил шелковистые волосы,

тонкие черты лица, бирюзовые глаза. И почему он не замечал, сколько тепла в этих глазах? Почему они кажутся такими знакомыми?

Майлз поставил сына на землю:

– Джона, подождешь пару минут у машины, пока я поговорю с мисс Эндрюс?

– Ладно, – кивнул Джона и, к удивлению Майлза, подбежал к Саре и крепко ее обнял. Та прижала к себе мальчика, после чего тот весело помчался на игровую площадку.

Майлз с любопытством взглянул на Сару:

– Похоже, вы поладили.

– Мы прекрасно провели время.

– Это видно. Знай я, что вы тут едите печенье и играете, не волновался бы так за Джону.

– Видите ли… тут все средства хороши. Но прежде чем вы снова начнете волноваться, готова сообщить, что в игру включено чтение. Карточки с буквами и словами.

– Так и знал, что дело не в игре. Как он успевает?

– Прекрасно. Ему еще нужно много работать, но начало положено. И он славный мальчик. Очень умный. Я уже говорила это раньше. Но не хочу, чтобы вы забывали об этом из-за того, что здесь происходит. И сразу видно, что он вас боготворит.

– Спасибо, – прошептал Майлз от всей души.

– Не за что.

Когда она снова улыбнулась, Майлз отвернулся в надеж-

де, что она не прочтет его мысли и одновременно мечтая об этом…

– Кстати, спасибо за вентилятор, – поблагодарила она. Утром Майлз завез ей огромный промышленный вентилятор.

– Нет проблем, – пробормотал он, разрываясь между желанием остаться и поговорить с ней и стремлением скрыть внезапную волну нервозности, нахлынувшую непонятно откуда.

Несколько секунд оба не осмеливались заговорить. Неловкое молчание тянулось, пока Майлз наконец не переступил с ноги на ногу:

– Что же… полагаю… нам пора.

– Хорошо.

– У нас еще кое-какие дела.

– Хорошо, – повторила она.

– У вас есть какие-то замечания?

– Вроде бы нет.

– Что же…

Он сунул руки в карман.

– Пожалуй, Джоне пора домой.

Сара серьезно кивнула.

– Вы уже говорили.

– Разве?

– Да.

Сара заправила за ухо прядку волос. По какой-то непонят-

ной причине ей ужасно нравилось его смущение. Даже скованность. Он не похож на мужчин, которых она знала в Балтиморе. Тех, кто делал покупки в «Брукс бразерс» и никогда не лез за словом в карман. После ее развода они казались манекенами, картонными муляжами идеальных мужчин.

– Что же… – пробормотал Майлз, равнодушный ко всему, кроме необходимости немедленно уйти. – Еще раз спасибо.

Он окликнул Джону и направился к машине, унося с собой образ Сары, стоявшей на школьном дворе и махавшей им вслед рукой. На губах ее играла легкая улыбка.

Вскоре Майлз с нескрываемым энтузиазмом стал ждать этих встреч. Ничего подобного он не испытывал со времен юности… и думал о Саре часто и иногда в самых странных ситуациях: в мясном отделе, когда выбирал свиные отбивные; на перекрестке в ожидании, когда светофор переключится на зеленый; подстригая газон. Иногда даже принимая по утрам душ. Интересно, она сейчас делает то же самое?

Просто абсурд какой-то! Пьет ли Сара кофе, или она поклонница травяных чаев? Заворачивает ли после душа волосы в полотенце или сразу начинает накладывать косметику и причесываться?

Иногда он пытался представить ее в классе стоящей перед учениками с кусочком мела в руке. Хотя они каждый раз обменивались несколькими словами, этого было недостаточно, чтобы удовлетворить растущее любопытство Майлза. Он ничего не знал о ее прошлом, и хотя иногда его так и подмы-

вало спросить, удерживался от вопроса по той простой причине, что не знал, как это сделать.

«Я сегодня заставила Джону произносить слова по буквам, и он прекрасно справился, – говорила она, и что прикажете отвечать Майлзу? «Прекрасно! Кстати, о буквах: вы по утрам после душа заворачиваете волосы в полотенце?»

Другие мужчины знали, как это делается, но ему это знание, видимо, было не дано. Иногда с храбростью, подкрепленной парой банок пива, он почти решался ей позвонить. Правда, причин звонить у него не было, и хотя он не знал, что скажет, все же надеялся на озарение, удар молнии, который сразу придаст ему остроумие и обаяние. Он представлял ее смеющейся над какой-то его фразой. Ошеломленной его красноречием. Дошел даже до того, чтобы найти ее имя в телефонном справочнике, и набрал первые три цифры, прежде чем спасовать и повесить трубку.

Что, если ее не окажется дома? Майлз не мог ничем завлечь ее, если она даже не ответит на звонок. И не будет же она слушать его бред на автоответчике? В конце концов, он же не зеленый юнец, верно? И не дай бог, если она окажется дома и объяснит, что торопится на свидание. А ведь такое вполне возможно.

Кто-то из холостых полицейских сказал, что она не замужем. Значит, скоро об этом узнает весь город. И тогда все холостяки попытаются использовать свои обаяние и остроумие. Если этого уже не произошло.

Господи, время работает против него.

В следующий раз он, подняв трубку, дошел до шестой цифры, прежде чем снова струсить.

В ту ночь, лежа в постели, он долго гадал, что же с ним творится.

Ранним субботним утром в конце сентября, примерно через месяц после встречи с Сарой Эндрюс, Майлз стоял на школьном спортивном поле, наблюдая, как Джона играет в футбол. Если не считать рыбалки, больше всего на свете Джона любил и умел играть в европейский футбол.

Мисси всегда увлекалась спортом, даже больше, чем Майлз. Именно от нее Джона унаследовал ловкость и собранность, зато от Майлза, как тот любил небрежно упоминать всякому, кто спрашивал, у Джоны такие скорость и реакция. Так что на поле мальчик был настоящим вихрем. В своем возрасте он мог сыграть только один тайм, но обычно забивал больше всего голов. Правда, в команде было всего три человека, а вратарей вообще не ставили, и половина ребятишек не знали, в каком направлении бить, но двадцать семь голов за первые четыре игры – это здорово! Стоило Джоне коснуться мяча, он вел его через все поле и бил по воротам.

Однако самым смехотворным был приступ гордости, испытываемый Майлзом при виде игры сына. Втайне он подпрыгивал от радости, когда Джона забивал гол, хотя понимал, что все это может оказаться полнейшей чепухой и

Джоне совсем не обязательно становиться великим футболистом. Дети взрослеют по-разному, и кто-то из приятелей вполне способен обогнать мальчика. Джона был очень развит физически, но не любил тренировки. Рано или поздно это обязательно скажется.

Но в этой игре к концу первой четверти Джона уже забил четыре гола. Во второй четверти, пока он сидел на скамье запасных, команда противника сравняла счет. В третьей четверти Джона забил еще два гола, а всего за этот год – тридцать три, не то чтобы кто-то считал его победы… А товарищ по команде добавил еще один. К концу четвертой четверти счет был 8:7 в пользу противника, и Майлз, скрестив руки на груди, делал вид, будто не знает, что без Джоны его команда попросту развалится.

Черт возьми, это было здорово.

Майлз был так погружен в размышления, что не сразу услышал знакомый голос:

– Нервничаете, шериф Райан? – спросила широко улыбавшаяся Сара. – Сделали ставку на эту игру?

– Нет, никакой ставки. Просто смотрю, – пробормотал он.

– Да? В таком случае будьте осторожны. У вас почти не осталось ногтей – все сгрызены.

– Я не грызу ногти.

– Сейчас нет. Но грызли.

– Вам показалось, – возразил он, гадая, уж не флиртует ли она с ним. – Но… – Он приподнял козырек бейсболки. – Не

ожидал увидеть вас здесь.

В шортах и темных очках она выглядела моложе.

– Джона сказал, что сегодня будет игра, и попросил меня прийти.

– В самом деле? – с любопытством спросил Майлз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.